

© 2003 г. А.Н. СОБОЛЕВ

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ XI ВЕКА И ЕЕ АНТИГРАФ

"Il est sans doute bien hasardeux de rétablir l'histoire primitive du psautier slave".

J. Lépissier

Текст Новгородской псалтыри является основным текстом так называемого Новгородского кодекса, который был обнаружен Новгородской археологической экспедицией на Троицком–XII раскопе в напластованиях 1-й четверти XI века. Кодекс представляет собой три липовые дощечки, залитые воском (внешние – с одной, внутренняя – с двух сторон), и, таким образом, четыре восковых страницы. Применением различных методов было установлено примерное время попадания книги в землю – "последние годы X – первая четверть XI века" [Зализняк, Янин 2001: 5]. После сложной реставрации памятника и в ходе его изучения стало известно, что он содержит два рода текстов: 1) основной текст – легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) "скрытые" тексты – восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникавших при письме по воску» [Зализняк, Янин 2001: 6].

Основной текст, писанный кириллицей, содержит два полных псалма Асафа (75 и 76-й) и фрагмент одного из псалмов царя Давида (а именно 67-го) и поэтому может быть назван Новгородской псалтырью. По составу наш памятник, по всей видимости, того же типа, что и известная старославянская глаголическая Синайская псалтырь XI в. Следует признать случайностью тот факт, что до нас в качестве основного дошел именно этот текст псалтыри, а не какой-либо из предшествовавших "скрытых".

Текст опубликован А.А. Зализняком и В.Л. Яниным (снимок 1-й страницы основного текста на воске, наборное издание текста без учета отпечатков букв на деревянной подложке, наборное издание текста с учетом отпечатков букв на дереве [Зализняк, Янин 2001: 12, 13–15; 16–18]). Публикаторы, не претендуя на полноту, сопроводили текст краткой характеристикой его состава, орфографии, частично фонетики и совсем кратко (всего 6 строк) – морфологии, привели список текстологических разночтений с 9-ю другими древнейшими и более поздними славянскими псалтырями, дали общую оценку его значения как уникального памятника письменности Древней Руси и Новгорода (ср. [Зализняк 1995]) и установили, что язык всего кодекса в целом – в основе своей старославянский, но свидетельства и характер деазализации носовых говорят в пользу восточнославянского происхождения писца. Памятник является одноеровым, то есть редуцированные гласные передаются одной буквой ѣ [Зализняк, Янин 2001: 7–8]. Уже на основании этих сведений Новго-

родскую псалтырь следовало бы причислить к так называемым неканоническим памятникам старославянского языка.

Цель предпринимаемого в настоящей статье¹ исследования состоит именно в характеристике Новгородской псалтыри как неканонического памятника старославянского языка, что подразумевает постановку вопросов "где", "когда", "кем" и "с какой целью" мог быть написан ее антиграф, то есть тот старославянский текст, списком с которого она является. Необходимо подчеркнуть, что в цели работы не входит рассмотрение той роли, которую сыграл антиграф Новгородской псалтыри в становлении дальнейшей рукописной традиции псалтырного текста или древнерусских орфографических систем.

Путь по которому антиграф нашей псалтыри попал на Русь и далее в Новгород, вероятно не отличался от обычных путей миграции "древнеболгарского литературного наследия в направлении русских пределов еще в X–XI в." [Кувев 1986 30]² Известно, что на Русь попадали рукописи как из восточноболгарских (см. [Алексеев 1999: 139]), так и из македонских областей (см. [Сперанский 1928–1929 518–524]), что ставит дополнительную задачу диалектной атрибуции языка каждой из них и антиграфа Новгородской псалтыри в частности.

Еще Н.Н. Дурново с полным правом отметил, что "русские рукописи, восходящие к южнославянской орфографической традиции первой половины XI в., имеют большое значение помогая судить и о самом старославянском языке и об эволюции его у южных славян в X и XII вв. с большей ясностью, чем это можно сделать, пользуясь памятниками только южнославянского письма" [Дурново 1924 73]. Суждение это должно основываться в первую очередь на рассмотрении вопросов текстологии (см. [Жуковская 1976]), орфографии и языка сохранившегося древнерусского списка и на дальнейшей реконструкции характеристик его антиграфа³, которые затем должны быть рассмотрены в кругу релевантных проблем кирилло-методиевистики, южнославянской письменной традиции X–XI вв. и ранней южнославянской диалектологии⁴. Не последнее место для историка языка в этом круге проблем занимает соотношение традиционной орфографии, усвоенной писцами, написаний непосредственных оригиналов и особенностей живого произношения.

Для достижения указанной цели на первоначальном этапе работы текст Новгородской псалтыри был сопоставлен с греческим текстом Септуагинты [Rahlfs 1931] и латинским текстом Вульгаты [Vulgata 1969], старославянскими текстами Синайской псалтыри⁵ и двух других древнейших славянских псалтырей – Бычковской XI в. и Чудовской XI в. (соответствующий научный аппарат – критическое издание текста и словоуказатель с греческими соответствиями – в данной статье опускает-

¹ Автор выражает глубокую признательность В.Б. Крысько (Ин-т русского языка РАН Москва) критические замечания которого способствовали улучшению настоящей работы и устранению ряда неточностей. За помощь в работе над статьей автор благодарит также А.Б. Борисову (СПбГУ).

² Ср., однако, сомнения Г. Роте, высказанные в его проникнутой скепсисом брошюре, в том, что болгарские рукописи могли попасть на Русь до 1037 г. [Rothe 2000 69].

³ Приведу в качестве примера подобного исследования известную статью Н.Н. Дурново, который выдвинул программное положение о необходимости рассмотрения целого ряда релевантных фактов фонетики и морфологии и представил образец его реализации (не всегда полной и не всегда одинаково подробной) на примерах конкретных рукописей (см. [Дурново 1924 75–76]; ср. также [Дурново 1959]).

⁴ Ср. с более ограниченным пониманием задачи М.Н. Сперанским "восстановление оригинала на основании дошедшего, русского по изводу, текста и изучение этого оригинала под углом зрения исторической диалектологии болгарского языка" [Сперанский 1928–1929 517].

⁵ Сравнение наборного издания Синайской псалтыри С. Северьянова с фототипическим изданием М. Альтбауэра привело к уточнению расстановки знаков для титла.

ся)⁶. Выявленные текстологические схождения и различия были соотнесены с результатами восстановления первоначального псалтырного текста, предпринятого И. Карачоровой на материале более двух десятков псалтырей (в том числе Болонской, Погодинской, хорватской глаголической XV в. (Osterreichische Nationalbibliothek, cod. slav. 77) и др. [Карачорова 1989: 134–135]), а также с некоторыми общими итогами изучения ранней славянской псалтырной традиции в научной литературе. В результате в первой части настоящей работы оказалось возможным охарактеризовать предположительное место нашего текста в ранней славянской текстологической традиции псалтыри (раздел "Текст"). Во второй части статьи проводится подробное описание фонетики и морфологии языка памятника, производится его сопоставление с языковыми и орфографическими особенностями некоторых других старославянских текстов (раздел "Язык"). В данной работе я полагал необходимым исходить из того, что достижение ее конечной цели и выдвижение обоснованных гипотез о характере Новгородской псалтыри и ее антиграфа возможно лишь в результате тщательного, полного и комплексного изучения релевантных текстологических и лингвистических признаков этого памятника

ТЕКСТ

Старославянские тексты в соответствии с относительно узкими задачами предпринятого исследования передаются кириллицей в существенно упрощенном графическом варианте (при необходимости читатель может справиться о их оригинальных особенностях по соответствующим изданиям)⁷.

Все известные мне текстологические исследования славянской псалтыри приводят греческие и латинские варианты текста в первую очередь по критическому изданию А. Ральфса (Й. Вайс, Й. Лауренчик, Ж. Леписье, И. Карачорова и др.), хотя общепризнано, что его критический аппарат не дает нам ответа на все наши вопросы [Laurenčik 1948: 69–70]⁸. В настоящей работе я не вижу причин не следовать в русле сложившейся в течение десятилетий научной традиции. Кроме того, в исследовании был использован критический аппарат к изданию Норовской псалтыри, учитывающий разночтения более широкого круга греческих рукописей, чем представлено в издании А. Ральфса (в это издание наряду с текстами А. Ральфса "входят разночтения по трем славянским псалтырям с греческими соответствиями по византийским источникам IV–VI и X–XII вв." [Чешко и др. 1989: 7]). Тем не менее совершенно ясно, что какие-то из вариантов славянских текстов могут восходить к особенностям греческих текстов, не включенных в использованные издания (ср. [Карачорова 1989: 240], см. также [Скупский 1977]). Необходимо оговориться, что в настоящей

⁶ Для правильной филологической интерпретации греческого текста были использованы следующие словари и конкордансы [Bodoh 1970, GEL, Hatch, Redpath 1897, Lampe 1961, LBG Liddell, Scott 1996, Mornish 1976, Sophocles 1893]. Были привлечены также аналогичные работы по старославянскому языку [Грамматика 1991, Люсен 1995, Стелл, Aitzetmuller 1977, Diels 1931, Koch 1990, Koch 2000, Leskien 1962, Miklosich 1862–1865, SJS, Večerka 1989–1996], включая энциклопедические [КМЕ], а также ряд этимологических словарей [БЕР, ЭССЯ, ESJS, SpSl]

⁷ Так, например, знаки, стоящие в оригинале над строкой, вводятся на соответствующем месте в строку, лигатуры разъединяются, на исправления писца указывается в подстрочных примечаниях и др. В неясных и ненадежных случаях предпочтение отдается чтению издателей текстов, в круглых скобках даются чистые конъектуры издателей. Прочерк обозначает отсутствующую букву. Знак обозначает паерок.

⁸ Таким образом, не ново, но излишне строго суждение А. А. Алексева "Следует < > предупредить против научного использования этого издания, ибо реальный текст Септуагинты, как он представлен в рукописных источниках, подвержен гораздо большему диапазону текстовых колебаний", а критический аппарат этого издания дает "лишь типовые чтения" [Алексеев 1999: 109, 110].

работе не ставится в качестве задачи установление того конкретного греческого текста, с которого делался славянский перевод (ср. [Дмитриев 1992: 124]). Для собственно славистического исследования, как показывает традиция и современная практика исследования текста псалтыри, достаточно лишь соотнесения славянских текстов с принятой в науке классификацией редакций греческих и латинских текстов (ср. [Огрен 1991: 20–21]).

Новгородская псалтырь в контексте старославянских переводов

Вопрос о времени и месте возникновения первого славянского перевода псалтыри, равно как и задача реконструкции ранней истории этого текста далеки от однозначного и удовлетворительного разрешения. В любом случае, в славистике господствует мнение Й. Добровского, разделявшееся и В. Ягичем [Jagić 1913: 281], о том, что псалтырь была одной из первых книг, переведенных славянскими апостолами, о чем сообщают глава 14 Жития Кирилла и глава 15 Жития Мефодия. "Как кажется, нет возможности подтвердить эти исторические свидетельства филологической аргументацией, так что авторство братьев в переводе этих двух текстов является для филологии аксиомой" [Алексеев 1999: 94]. Напротив, открыт вопрос о том, была ли псалтырь переведена до отправления Кирилла и Мефодия в Моравию (эта точка зрения принята, например, в болгарской и польской науке (см. [Карачорова 1989: 131; Szulc 1999: 113, со ссылкой на авторитет Т. Лер-Сплавинского]) или уже в ходе моравской миссии (см. [Lépissier 1964: 72; MacRobert 1993b: 78]).

Основная проблема здесь, как и в кирилло-методиевистике в целом, состоит в отсутствии у нас неславянских оригиналов, с которых был осуществлен перевод, и в отсутствии самого текста первого перевода. Их характеристики приходится восстанавливать на основании анализа почти на 200 лет более поздних рукописей XI в. При этом, с одной стороны, приходится изначально допустить возможность того, что в течение всего этого периода и на разных территориях западного и южного славянства могло иметь место неоднократное исправление перевода с текстуально-критической стороны, в направлении приближения текста к греческому оригиналу, как это хорошо засвидетельствовано для дальнейшей истории славянской псалтыри [Vlášek 1969: 608]⁹. С другой стороны, литургическое использование псалтыри должно было с необходимостью приводить к более высокой стабильности ее текста по сравнению с другими текстами Ветхого Завета (см. [Алексеев 1999: 152])¹⁰.

Не нашел еще однозначного разрешения и вопрос о языке и редакциях текстов, с которых делались первые славянские переводы. Хотя и общепринято положение о том, что славянская псалтырь была переведена с греческого, о чем свидетельствуют хотя бы очевидные переводческие кальки, все же остается открытым, какой именно греческий текст был основой этого перевода [Lépissier 1964: 59]. Поэтому типология различий между редакциями греческого текста – это "первое, что необходимо принимать во внимание при работе с греко-славянскими переводами" [Дмитриев 1992: 122]. Славянский текст должен к тому же отличаться от Септуагинты в том виде, в каком мы ее находим в критических изданиях, уже потому, что славянские переводчики располагали поздними греческими рукописями (скажем, IX в.) и в результате "поздние византийские источники дают большую близость к славянскому тексту Псалтыри, чем древнейшие кодексы IV–V вв." [Чешко и др. 1989: 85]. Это существ-

⁹ "Первоначальный перевод Псалтыри не рассматривался как законченный факт культуры, не подлежащий изменению и улучшению, но постоянно верифицировался относительно традиции, из которой он был получен" [MacRobert 1993a: 279].

¹⁰ Сознание этого факта не мешает, однако, А.А. Алексееву утверждать в той же работе: "Можно <...> думать, что к текстам с наибольшей вариантностью относятся Евангелие и Псалтырь" [Алексеев 1999: 65].

венно затрудняет решение одной из центральных задач славянской текстологии – обнаружение в славянских списках текста так называемых исконных чтений, совпадающих с чтениями оригинала [Алексеев 1999: 52, 53].

Противоположный случай, т. е. текстологические расхождения между славянскими текстами, с одной стороны, и греческим и латинским текстом, с другой, касаются в случае Новгородской и Синайской псалтыри лишь малоинформативного двукратного отсутствия в славянском переводе сочинительного союза и на месте греческого καί, причем в первом случае можно видеть галлографию:

Nr.	Ps.	Септуагинта и Vulgata	Новгородская и Синайская пс.
1	76.16	τοὺς υἱοὺς Ἰακωβ καὶ Ἰωσηφ filios Iacob et Ioseph	сны иаковы носифовы снѣѣ ѣѣковель ѣосифовѣѣ
2	76.17	καὶ ἐταράχθησαν et turbatae sunt	сѣмоутиша сѣ сѣмѣтиша сѣ

Й. Вайс, публикуя через 20 лет некоторые результаты своего прочитанного еще в 1926 г. лекционного курса "Критика старославянского текста псалтыри", полагал вслед за П. Лагардом и А. Лескином, что Лукиановская редакция греческого текста, возникшая в последней четверти III в., а уже в IV в. распространившаяся от Константинополя до Антиохии и постепенно вытеснившая другие редакции, став официальной версией текста псалтыри в греческой церкви¹¹, "была основой (předlohou), с которой в IX в. переводили текст псалтыри на старославянский язык свв. Константин-Кирилл и Мефодий" [Vajs 1939–1946: 56]. Критики уже давно отметили, что список разночтений Й. Вайса на самом деле демонстрирует лишь то, что славянский перевод не зависит от "египетской" редакции греческого текста и "масса соответствий с Лукиановской версией не является показательной" [Lépissier 1964: 60]. В недавнее время эта все же достаточно привлекательная и хорошо документированная гипотеза была подвергнута критическому разбору А.А. Алексеевым, который даже потребовал "тщательной проверки" самих текстологических аргументов, извлеченных Й. Вайсом из славянских текстов псалтыри [Алексеев 1999: 105–108, 118].

Это послужило дополнительным поводом для проведения сопоставления данных Новгородской псалтыри в представленных в ней псалмах с результатами сравнения старославянского текста псалтыри с греческим текстом разных рецензий, произведенного Й. Вайсом [Vajs 1939–1946: 66].

Псалом 67. Всего у Й. Вайса 8 примеров, но на стихи 4–6 примеров нет.

Псалом 75. Всего 2 примера. В обоих случаях (75,8; 75,10) лишь греческий текст "нижнеегипетской" редакции стоит особняком; чтения в остальных греческих ("западной", Оригеновской и Лукиановской) редакциях и в Вульгате совпадают, а с ними совпадает и славянский текст.

Псалом 76. Всего 4 примера. В двух случаях (76,5 и 76,17²) лишь греческий текст "нижнеегипетской" редакции стоит особняком; чтения в остальных греческих ("западной", Оригеновской и Лукиановской) редакциях и в Вульгате совпадают, а с ними совпадает и славянский текст. Лишь в стихе 76,17¹ в тексте Лукиановской редакции и в старославянском опущен сочинительный союз "и", сохраняющийся в остальных греческих рецензиях и в Вульгате.

Гораздо большее значение имеет свидетельство текстологического совпадения между Лукиановской редакцией и старославянским текстом в 76,9: συντελέσει

¹¹ По всей видимости, можно действительно с уверенностью полагать, что в Константинополе, так же как и в случае с текстом Нового Завета, стабилизации текста псалтыри содействовало его церковно-литургическое применение (см. [Алексеев 1999: 107-108]).

ρῆμα = съконъча глѣ в Синайской псалтыри и съконъча глаголы в Новгородской (при отсутствии этого чтения в других редакциях; ср., правда, это место в Вульгате iuxta Hebr., где находим consummabit verbum, но и при различии в числе существительного в славянских текстах). Дальнейший текст этого места в Лукиановской редакции (ἀλλὸ γενεᾶς εἰς γενεάν) совпадает с чтением Вульгаты (a generatione in generationem) и со славянским (отъ рода въ родъ), расходясь как с греческой "нижнеегипетской" редакцией (ἀλλὸ γενεᾶς καὶ γενεᾶς), так и с Вульгатой iuxta Hebr. (de generatione et generatione), которые, как видим, в свою очередь совпадают.

После Й. Вайса внимание исследователей сконцентрировалось на доказательстве того, что "некоторое число чтений этой первой версии может быть лучше объяснено как результат влияния латинской традиции текста" [MacRobert 1990: 7]. В качестве следующего шага настоящего исследования было предпринято сопоставление текста Новгородской псалтыри с известными материалами Й. Лауренчика, пытавшегося выделить в славянской псалтыри не-Лукиановские места [Laurenčík 1948: 74–75].

Псалом 67. У Й. Лауренчика всего 3 примера, но лишь один на имеющийся в нашем тексте стих 67,5: καὶ ἀγαλλιάσθε] om. καὶ La^{R(s)} Aug Ga: ꙗ́ко ѿмъ емоу радоще съ прѣдъ нимъ¹². Именно в этом месте Новгородская псалтырь, в отличие от Синайской, имеет как раз характерное для Лукиановской редакции и.

Псалом 75,4. Единственный пример: τὰ κράτη τῶν τόξων fortitudines arcuum Aug, potentias arcuum Ga] fortitudinem arcus La^R: тоу съкроуші крѣпость локъ. Текст в Синайской псалтыри смешанный: крѣпость (sg.) совпадает с La^R, но локъ с остальными рукописями. И снова Новгородская псалтырь, в отличие от Синайской, как и греческий текст, имеет форму мн.ч. – крѣпости.

В славистике считается доказанным, что древняя славянская традиция "не объясняется полностью Лукиановской Вульгатой", "не может быть отделена от западных версий"; допускается возможность перевода старославянских текстов с двуязычного (латинско-греческого) оригинала. "Одно из двух: или переводчик нашел на месте псалтырь западного типа, с чувствительными латинскими влияниями и непрямыми греческими, или, что более вероятно, первоначальный перевод, сделанный с традиционного греческого, был переделан позже моравскими пользователями, более привычными к западной латинской традиции" [Lépassier 1964: 71, 60–61, 62, 72]¹³. При рассмотрении этого вопроса следует учесть и мнение Й. Хамма, который указывает на славян из византийских областей на Адриатическом побережье как носителей далматинской, "древней греческо-латинско-славянской культурной традиции, возникшей в течение IX–X вв." [Хамм 1976: 363], тексты которой по римским дорогам (особенно по так называемой Via Egnatia) могли переноситься "на восток и оттуда – после переписки – дальше на север, скажем, в Новгород" [Хамм 1976: 360, 362].

В любом случае, в отличие от Синайской псалтыри (с ее большим числом не-Лукиановских чтений, в основном "западных" и Оригеновских [Laurenčík 1948: 80]), Новгородская псалтырь в ее сохранившихся текстах таких чтений не показывает, что говорит в пользу близости ее к Лукиановской редакции и заставляет снова ставить вопрос о причинах появления не-Лукиановских чтений в Синайской псалтыри. Вопрос можно сформулировать и иначе: восходит ли Новгородская псалтырь к протографу IX в., переведенному с Лукиановского текста, или представляет собой результат более позднего ис-

¹² Сокращения, принятые в издании Ральфа: La^R – латинский текст греческо-латинской псалтыри VI в., La^{R(s)} – дополнения младшим почерком в той же рукописи; Aug – Августин "Epatationes in Psalmos"; Ga – "Psalterium Gallicanum" Иеронима.

¹³ Ни один из аргументов Ж. Леписье оказался невозможным применить в нашем случае в силу краткости сохранившегося текста. Кроме того, например, передача в заимствованных словах греческой иты (звучавшей в греческом уже как [i]) через ε заставляет предположить латинское посредничество [Lépassier 1964: 61]. Ср., однако, Ιουσιφ и исифовы в обоих наших текстах. За написанием иѣди 75,2 (τῷ Ιουσιφ) способ передачи иты остается скрытым.

правления моравского старославянского текста по Лукиановскому греческому, при котором были устранены текстологические "окцидентализмы"? В случае допущения первой возможности логично будет предположить, что кирилло-мефодиевский перевод псалтыри был сделан именно до начала моравской миссии. Если допустить возможность раннего исправления славянского перевода по греческому оригиналу, то Новгородская псалтырь не дает аргументов в пользу мнения о том, что этот "процесс исправления... отражает более чем лишь одну греческую традицию текста" [MacRobert 1990: 7], указывая в направлении все той же Лукиановской редакции. В любом случае во главе угла стоит проблема текстологических отношений между Новгородской и Синайской псалтырью и вопрос о том, какой из двух текстов более непосредственно отражает кирилло-мефодиевский перевод, а какой – более позднюю справку или даже редакцию.

Принятая в истории текста славянской псалтыри классификация рукописей, восходящая к работам В. Ягича, В.И. Срезневского и В.А. Погорелова [Погорелов 1901], производится обычно на основании установления различий между ними в технике перевода и в выборе лексических средств. В результате выделяются "архаическая" (или первоначальная, или кирилло-мефодиевская), "толковая" (с толкованиями Феодорита Киррского), "русская" и "афонская" (или правленая), т. е. всего четыре редакции псалтырного текста (ср. с выделением только трех редакций у [MacRobert 1993a: 280])¹⁴. "Архаическая" редакция в целом относительно хорошо известна науке, поскольку она представлена опубликованными и изученными источниками (это прежде всего Синайская псалтырь XI в., а также Болонская и Погодинская комментированные псалтыри XIII в.), но ввиду малочисленности сохранившихся рукописей любое добавление к их списку важно¹⁵. Представителем и даже эталоном архаической редакции в славистике считается именно Синайская псалтырь, языковые особенности которой сводятся к наличию ряда лексических архаизмов, большого числа греческих заимствований и к употреблению простого и сигматического аориста старого типа. М. Мак-Роберт характеризует эту редакцию славянской псалтыри как "наиболее древнюю из сохранившихся и находящуюся в наиболее тесной связи с переводом, сделанным свв. Кириллом и Мефодием" [MacRobert 1993b: 57; ср.: Camuglia 1996: 3]. В глубоком исследовании И. Карачоровой встречается даже утверждение, что наряду с Болонской и Погодиновой, Синайская псалтырь представляет собой "первоначальный перевод древнеболгарского текста псалтыри", т. е. псалтырные тексты, не подправленные редакциями, так что в некотором смысле говорить здесь о "редакции" становится некорректным [Карачорова 1989: 133, 239]. Однако, хотя "Синайская псалтырь и сохраняет в большом количестве оригинальный старославянский перевод псалмов, она в то же время, как предполагал Ягич, выдает вторичный моравский языковой слой (о чем свидетельствуют следы западнославянской фонетики), а ее глоссы на полях и палестинские литургические указания могут свидетельствовать о разрастании (текста – А.С.) на еще более поздней стадии" [MacRobert 1993b: 80]. Таким образом, с текстологической точки зрения, в Синайской псалтыри, "если смотреть на нее генетически, имеется не единый, а смешанный текст (так называемый Codex mixtus), образец которого основывался преимущественно на греческих, но также, конечно, на латинских и, может быть, хотя и косвенно, – даже на древнееврейских источниках" [Хамм 1976: 362].

И все же обычно именно Синайская псалтырь считается древнейшей славянской [Laurenčik 1948: 68]; полагают также, что реконструкция языка древнейшей версии

¹⁴ Как кажется, излишним скепсисом проникнуто мнение по этому поводу А.А. Алексеева: "Эта классификация проведена по данным двух десятков списков Типографского собр. (РГА-ДА), так что не имеет никакой надежности..." [Алексеев 1999: 152].

¹⁵ Надо, по всей видимости, ожидать очень интересных результатов от публикации полного текста новонайденной глаголической Псалтыри Дмитрия XI в. (краткие сведения и отрывок текста см., например, в [Schaecken, Birnbaum 1999]).

славянской псалтыри возможна в первую очередь на основе текста Синайской псалтыри, а основное направление исследований более поздних текстов состоит именно в сравнении с ее текстом, что, правда, обычно сводится к изучению их лексики (см., например [Szulc 1999: 114]; см. также [Цейтлин 1986]). В любом случае, всегда следует иметь в виду, что "при любой интерпретации Синайская глаголическая псалтырь – это загадка" [MacRobert 1993b: 79].

В свете вышеизложенного особое значение приобретают установленные в настоящей статье индивидуальные текстологические особенности Синайской псалтыри, удаляющие ее как от греческого текста, так и от текста Новгородской псалтыри (в пределах сохранившегося, основного текста). Прежде всего, в Синайской псалтыри ярко выделяются относительно частые случаи смысловых искажений текста, очевидно объясняемых тем, что писцы неправильно интерпретировали формы славянского оригинала, с которого они делали свой список. Эти случаи говорят в пользу предположения, что македонские переписчики пользовались только славянским текстом и писали под диктовку¹⁶ (или даже по памяти, см. 76,20), но в любом случае не производили сверки с греческим оригиналом:

№г.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
1	75,4	συνέτριψεν τὰ κράτη τῶν τόξων сѣкроуши крѣпости ажкѣ	сѣкроуши крѣпость локѣ
2	75,4	ὀρμφαίαν καὶ πόλεμον оружие и бранѣ	оржье избрано
3	75,9	ἠκούτισας оуслышанѣ створилѣ еси	оуслѣшанѣ створилѣ естѣ
4	75,11	ἐορτάσει оупразнитѣ сѧ	оупразніті сѧ
5	76,4	ἠδολέσχησα вѣскрѣбѣхѣ	вѣ скрѣбехѣ
6	76,20	οὐ γνωσθήσονται не познаютѣ сѧ	не запнѣтѣ сѧ

Очень показательны два грамматических расхождения, когда Новгородская псалтырь выбирает из нескольких возможных ту славянскую конструкцию, которая остается ближе к тексту греческого оригинала (*figura etymologica* в первом случае и аккузатив при отрицании во втором), в то время как в Синайской употребляются грамматические конструкции, характерные для собственно славянского языкового типа (инструментальное управление глагола *уснуть* (*сном*) и генитив при отрицании):

№г.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
7	75,6	ἕλνωσαν ἕλνον αὐτῶν оуcнѣша сѣнѣ свои	оуcѣнѣша сѣномѣ своіомѣ

¹⁶ Изложенные ниже наблюдения позволяют релятивизировать одно из положений А.А.Алексеева: "Широко распространенная в византийских скрипториях практика письма под диктовку привела к появлению характерных ошибок, вызванных неверным восприятием текста на слух. Эта практика почти не известна славянским писцам, хотя кое-какие написания могут говорить о ее спорадическом применении" [Алексеев 1999: 46].

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
8	75,6	οὐχ εὖρον οὐσὲν НЕ ОБРѢТОУ НИЧТО ЖЕ	НЕ ОБРѢТЖ НИЧЕСОЖЕ

Группу из четырех формальных разночтений составляют случаи, когда в Синайской псалтыри добавлена (9, 10) или наоборот отсутствует (11, 12) текстологическая единица, имеющаяся в тексте как Септуагинты, так и Новгородской псалтыри:

Nr.	Ps.	Септуагинта и Новгородск. пс.	Синайская пс.
9	67,4	ἐν εὐφροσύνῃ ВЪ ВЕСЕЛІИ	ВЪ ВЕСЕЛЫ ЕГО ¹⁷
10	75,7	τοὺς ἵπλους НА КОНА	НА КОНЬА (СВОЬА) ¹⁸
11	67,5	καὶ ἀγαλλιᾶσθε И РАДОУНТЕ СЯ	РАДОУНТЕ СЯ
12	76,7	μετὰ τῆς καρδίας μου СРДЦЕМЪ МОИМЪ	СРЪДЪЦЕМЪ

Таким образом, новейший текстологический материал Новгородской псалтыри позволяет смело утверждать вслед за И. Карачоровой, что "большая часть чтений Синайской псалтыри, считавшихся диагностическими для архаической редакции в сопоставлении с афонской, являются индивидуальными и встречаются только в этом тексте" [Карачорова 1989: 240]. Это возвращает нас к вопросу о текстологических и языковых характеристиках первых славянских переводов, при характеристике которых "обычно исходят из презумпции, во-первых, полной смысловой точности переводов Мефодия и, во-вторых, предельной лингвистической независимости этих переводов от лингвистической структуры оригинала". Более того, для переводных письменных традиций характерен "переход от первоначально свободных переводов к более поздним буквальным переводам" и даже "усиление буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам" [Алексеев 1999: 94, 95, 78]. Именно эти аксиоматические положения современной общей и славянской библейской текстологии, согласующиеся со славистической научной традицией, не позволяют видеть в Новгородской псалтыри с ее относительной близостью к греческому оригиналу – в отличие от псалтыри Синайской – прямое отражение первоначального кирилло-мефодиевского перевода (и уж в любом случае не отражение перевода моравского периода).

Возможно, на незначительные различия между текстами самих греческих оригиналов двух наших старославянских псалтырей указывают нечастые случаи формальных разночтений, когда в Новгородской псалтыри добавлена или, наоборот, отсутствует текстологическая единица, отсутствующая или, наоборот, имеющаяся в тексте Септуагинты и Синайской псалтыри (последнее из этих разночтений может быть объяснено и гаплографией):

Nr.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская пс.
1	76,16	ἐν τῷ βραχίονί σου МЪШЬЦЕЖ ТВОЕЖ	МЫШЪЦЕЖ

¹⁷ По данным других исследователей [Чешко и др. 1989], местоимение в разночтении 9 отсутствует в греческих текстах (надо понимать, как в древних, так и византийских).

¹⁸ Стерто писцом.

№г.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская пс.
2	75,4	ὄπλον καὶ ῥομφαίαν штѣтѣ і оржьє	щитѣ оружье
3	76,4	καὶ ὀλιγοψύχησεν і не прѣможе	изнеможе

Приводимые ниже словообразовательные различия между языком Новгородской и Синайской псалтыри предпочтительно объяснять свободными колебаниями в выборе славянских средств для передачи греческого текста, характерными для самой ранней славянской традиции и не связанными с особенностями греческого оригинала. Очевидно, что они представляют собой серьезный аргумент как минимум в пользу двусторонней текстологической независимости обоих старославянских текстов:

№г.	Ps.	Септуагинта	Синайская п.	Новгородская п.
1	75,10	τοῦ σώσαι	да оупасетѣ	да спсѣтѣ
2	76,13	ἐπιτηδεύμασιν	оучинаниихѣ	начинаниихѣ
3	76,8	τοῦ εὐδοκῆσαι	въблаговолиті	бл(а)говолити
4	76,4	ὀλιγοψύχησεν	не прѣможе	изнеможе
5	75,11	ἀνθρώπου	члѣче	члѣско

В этом же направлении указывает и особый случай грамматического расхождения между двумя древними славянскими текстами, который представляет собой опущение возвратной частицы *са* при возвратном глаголе, являющемся инфинитивным дополнением при другом возвратном глаголе, в тексте Новгородской псалтыри (Ѡврѣже *са* оутѣшити 76,3) при сохранении обеих частиц в Синайской псалтыри [штѣврѣже *са* оутѣшиті *са* (ἀληνῆατο παρακληθῆναι)]; оба грамматических решения допустимы славянской нормой и независимы от греческого. Чтение, совпадающее по тексту с Новгородской псалтырью, находим лишь значительно позже в среднеболгарской Григоровичевой псалтыри XIII в. [Карачорова 1989: 229].

Несмотря на разноплановые различия между нашими текстами, главные характеристики древнейших славянских переводов Ветхого Завета, установленные А.А. Алексеевым на основании анализа текста Песни [Алексеев 1999: 78], свойственны также в большинстве случаев и Новгородской псалтыри, что позволяет включить протограф последней в круг текстов, наиболее близких к кирилло-мефодиевской традиции. Эти характеристики сводятся к ряду черт свободной передачи оригинала (они, разумеется, сосуществуют в тексте с иными возможностями перевода):

1) множественное число заменяется двойственным там, где этого требует славянская грамматическая норма (ср., например 76,5 *προκατελάβοντο φυλακάς οἱ ὀφθαλμοί μου* – *вариста стражьбы очи мои / варисте стражьбы очи мои*);

2) посессивный генитив передается прилагательным (ср. например 75,11: *ἐνθύμιου ἀνθρώπου* – *помышленне члѣско / члѣче*; 76,12 *τῶν ἔργων κυρίου* – *дѣла гнѣ / дѣла гнѣ*);

3) введение связки, иногда опускаемой в Септуагинте вслед за Масоретским текстом (ср. 75,12 *πάντες οἱ κύκλω αὐτοῦ* – *вси сщциі окрестѣ его / вси сщштеі окрестѣ его*);

4) замена медиопассива активом (ср. 75,3 *ἐγενήθη* – *выстѣ / въистѣ*);

5) замена во 2-м лице аориста перфектом (ср. 76,15 *ἐγνώρισας* – *сѣказалъ еси / сѣказалъ еси*; 76,21 *ὠδήγησας* – *извелъ еси / ізвелъ еси* и др.; в переводе псалтыри эта черта проведена непоследовательно, см. также [Карачорова 1989: 177–178]);

б) передача предложной конструкции *év + dat.* беспредложным *instr.* (ср. 76,16 *év τῷ βροχίονί σου* – *мышъцьекъ / мѣшьцьекъ твоєжъ*).

В области лексики в переводе псалтыри соблюдаются основные принципы и приемы переводческой техники Кирилла и Мефодия, описанные, например, Е.М. Верещагиным (см. [Верещагин 1997: 12–23]; ср. также [Карачорова 1989: 135–139; Гиндин 1988]). Так, "господствующим правилом является то, что одному слову оригинала соответствует одно слово в переводе, но вовсе не редкость, когда одно слово оригинала переводится словосочетанием" [Алексеев 1999: 77]. Наряду с многочисленными примерами, подтверждающими основное правило, в Новгородской псалтыри находим *сътвориѣ пѣтъ* для *ὀδοποιήσατε* 67,5; *сътвориѣ еси оуслышанъ* (*сждъ*) для *ἠκούσας* (*κρίσιν*) 75,9. Доказательство неприменения поморфемного принципа перевода находим и в случае передачи греческого *ὀλιγοψύχησεν* – *изнеможе* 76,4 (ср. с *не прѣможе* в Синайской псалтыри; в ходе дальнейшего развития славянской переводческой традиции здесь появляется калька, свойственная и современному русскому языку – *малодушествовать*).

Такая хорошо известная характеристика переводческой техники кирило-мефодиевского периода, как вариативность при передаче греческих лексических единиц выражается, в частности, выбором именно контекстно обусловленного лексического (иногда словообразовательного) эквивалента из целого ряда возможных (так, например, греческому *τιράσσω* в переводе соответствуют *сѣмасти* (*сѣ*), *вѣзмасти* (*сѣ*) и *сѣмжити* (*сѣ*), а *ἐπιβόων* передается глаголами *вѣннѣти* и *вѣсѣсти*). Можно сделать вывод, что и в лексико-семантической сфере Новгородская псалтырь отражает свободу перевода, свойственную древнейшим славянским текстам, которая, по мнению А.А. Алексеева, проявляется прежде всего в "передаче полисемии, т. е. переводе одного и того же греческого слова разными славянскими в зависимости от условий контекста" и в том, что "при передаче значения слова его внутренняя форма не воспроизводится, словообразовательное калькирование не применяется" [Алексеев 1999: 78]¹⁹.

Любопытно, что с текстом Новгородской псалтыри мы получили еще одно свидетельство употребления в древнейших переводах такого загадочного славянского эквивалента для греческого *ἀδολεσχέω*, как (по)глоумити *сѣ*²⁰, который часто трактуют как "малоудачный буквализм" и "неудачу перевода" в тех стихах псалтыри (например 76,7), где требуется значение "размышлять, беседовать" (ср. перевод "to talk" в новейшем [GEL 1992: 8]). Например, по мнению А.А. Алексеева, ссылающегося на работу Н.А. Мещерского, этого значения «конечно не передает глагол *глоумити сѣ*. Неудача объясняется из текста Септуагинты, в котором в этих стихах на месте еврейского "размышлять, беседовать" появился греч. глагол *ἀδολεσχέω* "насмехаться", буквализм перешел и в славянский текст и остался в нем вплоть до современных изданий» [Алексеев 1999: 75]. Также вслед за Н.А. Мещерским критически оценивает²¹ решение славянских переводчиков принять этот глагол "в качестве стандартного эквивалента к *ἀδολεσχέω*, от которого они отказывались лишь под давлением контекста", и М. Мак-Роберт (см. [MacRobert 1993a: 276], ср. [Верещагин 1978]). Сам

¹⁹ Ср. с наблюдениями М. Мак-Роберт над переводом греческих существительных, из которых каждое "как кажется, получило стандартный церковнославянский эквивалент, который использовался во всех случаях, где смысл был хотя бы терпимым; только там, где стандартный эквивалент не мог дать удовлетворительного результата, использовалась возможность полисемии, приводя к принятию альтернативного перевода" [MacRobert 1993a: 265–266].

²⁰ В SJS, ESJS и СтелСл ошибочно восстанавливается инфинитивная форма *глоумлати сѣ* (см. [Крысько 1996: 25]).

²¹ "В каком смысле эти переводчики понимали или ожидали, что поймут другие, пассажи, в которых они использовали *поглоумити сѣ* / *глоумлати сѣ* (так! – А.С.) не совсем ясно" [MacRobert 1993a: 276].

Н.А. Мещерский предположил, что "славянские переводчики либо игнорировали специальную семантику, возникшую у греческого слова со времени перевода Септуагинты, либо пытались навязать славянскому слову путем семантической индукции семантическую полисемию греческого образца". И далее: "История славянской письменности и материалы живых славянских языков показывают, что эта новая семантика не закрепилась за корнесловом *глум-* и осталась принадлежностью узкого круга древнеславянских текстов, прежде всего Псалтыри" [Мещерский 1988: 17–18, 22].

И все же именно материалы живых северно- и южнославянских диалектов свидетельствуют о широкой полисемии данного "корнеслова"²². Так, имеются русские диалектные лексемы *глумить* "разговаривать" и *глумиться* "заниматься чем-либо доставляющим много хлопот, труда" без каких-либо отрицательных коннотаций в значении (см. [ЭССЯ 6: 149], ср. также материал в [SPsl 7: 147–148]). Любопытно и болгарское диалектное значение прилагательного *глумест* "густой, глухой" (Горни Лом, Белоградчишко; в примере *Коя гора айдуци чува, / глуместа и висока да расте* [БЕР 1: 252]). Особенно первый русский пример ярко свидетельствует в пользу адекватности раннего славянского перевода полисемичного греческого глагола.

Такой признак архаичности славянского перевода, как интерпретация в отдельных случаях греческого оригинала с помощью Вульгаты, возможно, наблюдается как раз в случаях употребления перифрастических славянских глаголов на месте греческого (ср. *сътворитѣ ꙗзѣтъ / iter facite / praeparate viam* для *ὀδοποιήσατε* 67,5; *створишь єси оуслышанъ (сѣдъ) / auditum fecisti (iudicium)* для *ἠκούσῃς (κρίσις) / adnuntiabis (iudicium)* 75,9).

Косвенные свидетельства об очень раннем начале исправлений первоначального славянского текста псалтыри были получены М. Мак-Роберт [MacRobert 1990: 12], большое число текстологических аргументов в пользу тезиса об исправлении текста псалтыри еще до XI в. приводит И. Карачорова [Карачорова 1989: 201]. Так, считается, что Чудовская псалтырь отражает перевод толкований на псалтырь Феодорита Киррского, сделанный во время царя Симеона в X в. в восточной Болгарии в ходе переработки кирилло-мефодиевского перевода "в соответствии с нормами перевода преславского литературного круга" [Карачорова 1989: 131]; ср. также [Алексеев 1999: 163]. Синайско-Бычковская псалтырь также свидетельствует об исправлении, "осуществленном при сравнении с греческим текстом и нацеленном на устранение неточностей перевода и достижение наиболее точной передачи смысла", и даже о "проникновении некоторых грамматических изменений, вызванных желанием также и формально следовать греческому оригиналу..." [Карачорова 1989: 201; см. также страницы 242–243]; все это подтверждает отнесение Синайско-Бычковской псалтыри к так называемой "русской" редакции, что было установлено еще Х. Лантом [Lunt 1976: 257; Тодоров 1990: 55]. Тексты этой редакции, созданные в XI в., распространяются в Болгарии и на Руси и в последнем случае "являются частью культурного наследия, полученного Русью от преславских книжников" [Lunt 1976: 260; Карачорова 1989: 202]. Немаловажен тот факт, что значительное число предпринятых в "русской" редакции исправлений славянского текста по греческому оригиналу соответствует чтением Лукиановских текстов, правда, часто наряду с иными. В целом, «"русская" редакция была особой ревизией церковнославянской псалтыри, основывающейся на иной традиции греческого текста и на ином подходе к интерпретации и переводу, нежели подход архаической и афонской редакций» [MacRobert 1990: 15, 12].

Думается, следует признать перспективным дальнейшее изучение текста Новгородской псалтыри прежде всего в сопоставлении с текстами "русской" редакции. Пока, не претендуя на полноту выводов и на окончательность суждения, укажу на тот факт, что Новгородская и Синайско-Бычковская псалтыри обладают некоторыми общими текстологическими особенностями, удаляющими их как от текста Синай-

²² Аналогичную точку зрения защищает И.И. Макеева (см. [Макеева 1991]).

ской псалтыри, так и от Септуагинты, подавляющее большинство из которых, по всей видимости, в первую очередь должны объясняться не особенностями их предполагаемых греческих оригиналов, а самостоятельными решениями славянских книжников. Как минимум, к ним относятся два разночтения, возникших в результате индивидуальной интерпретации греческих грамматических форм, а также один случай грамматической реинтерпретации текста, базирующейся на понимании имени существительного **мъножьство** в качестве генитивного объекта при глаголе **съмжѣти сѧ**, а не в качестве номинатива подлежащего следующего предложения. Последнее стало возможным в результате нечеткого разграничения стихов 17 и 18, характерного уже для Септуагинты [Rahlfs 1931: 211, сноска 17], а в нашем случае очевидно связано и с тем, что конец стиха 17 пришелся на начало следующей страницы. Допустимо, но в данном конкретном случае вряд ли предпочтительно объяснение, возводящее употребление здесь генитива к особенности греческого источника (так, в греческой псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского X в., опубликованной архимандритом Амфилохием²³, находим нужное чтение с генитивом – $\pi\lambda\eta\theta\acute{o}\varsigma$).

№г.	Ps.	Септуагинта и Синайская пс.	Новгородская (и Син.-Бычковская пс.)
1	76,9	συνετέλεσεν ρῆμα ²⁴ съконьча гѣъ	съконъча глаголы
2	76,13	μελετήσω поучж сѧ	поучиухъ сѧ
3	76,17	ἔταράχθησαν... πλῆθος ἤχους съмжѣтиша сѧ... мъножьство шюма	съмоутиша сѧ... мъножьства шюма

Несмотря на исключительно небольшой объем сохранившегося текстового материала, можно сделать предположение о том, что протограф Новгородской псалтыри, как и протограф Синайской псалтыри, по совокупности текстологических признаков может быть отнесен к группе текстов, продолжающих кирилло-мефодиевскую традицию. При этом следует подчеркнуть, что наш текст в отличие от Синайской псалтыри вряд ли может рассматриваться как отражение первоначального кирилло-мефодиевского перевода, по крайней мере до тех пор, пока этот статус сохраняется за Синайской псалтырью. Возможно, текст Новгородской псалтыри свидетельствует о раннем исправлении первоначального псалтырного текста славянской традиции по греческому оригиналу.

ЯЗЫК

Фонетика и элементы орфографии

Отражение диагностических рефлексов праславянских сочетаний позволяет однозначно определить южнославянский, а точнее восточноюжнославянский характер текста антиграфа Новгородской псалтыри. Так, наряду с упрощением группы **-dl-*, отмеченным в форме причастия **извелъ** 76,21, находим переход инициального **ort-* под циркумфлексной интонацией в **рат-** (документируется примером **неразоумънии**

²³ Древлеславянская псалтырь (Симоновская до 1280 г.). Труд архимандрита Амфилохия. Т. I–III. М., 1880–1881.

²⁴ В Лукиановской рецензии.

75,6) и типично южнославянские рефлексы праславянских сочетаний типа **tort*, **toit*²⁵: *бранѣ* 75,4; *стражѣвы* 76,5; *оупразнитѣ* с.м. 75,11; *ва(а)говолити* 76,8; *гѣлахъ* 76,5; *глаголы* 76,9; *гласомъ* 76,2²; *гласъ* 76,18; 76,19; *запрѣщениа*²⁶ 75,7; *прѣдъ* 67,5; 76,3; *прѣлъщенъ* 76,3; *прѣходатъ* 76,18.

Рефлексы праславянских **stj*, **skj* с одной стороны, и **ij*, **kt*, с другой, совпали в языке памятника, как и в восточной (болгаро-македонской) группе южнославянских языков, в сочетании *ци*, ср.: *жилце* 75,3; *прѣлъщенъ* 76,3; *щедроты* 76,10; *цитъ* 75,4 и *сжци* 75,12; *запрѣщениа* 75,7; *нощиж* 76,3; 76,7; *обѣщанте* с.м. 75,12; *отъемажцоумоу* 75,13; *просвѣщаеси* 75,5.

Свидетельства последовательного и не знающего исключений осуществления второй и третьей палатализаций являются в тексте, например, формы *ѣръ* 75,13; *вси* 75,6²; 75,12; *вса* 75,10; *въсѣхъ* 76,13; *кнземъ* 75,13; *облаци* 76,18; *стѣза* 76,20 и др.

Наличие эпентетического л в исторических сочетаниях **vj*, **mj* хорошо документируется примерами *наковѣ* 75,7; *гѣмлаахъ* с.м. 76,7; *земла* 75,9; 76,19; *земли* 75,10; *отъемажцоумоу* 75,13; *поглоумлж* с.м. 76,13. На этом фоне особое значение приобретает единственный случай отсутствия такого л (явление, отражающее его утрату, характерную для восточноюжнославянской языковой территории), отмеченный в лексеме *наковѣ* 76,16, которая, таким образом, в тексте представлена в обоих фонетических вариантах.

Несколько сложнее обстоит дело с отражением праславянских носовых гласных, причем внимание следует обратить, во-первых, на отсутствие следов смешения носовых заднего и переднего ряда²⁷ [что указывает на древность протографа и исключает болгарские и македонские говоры с частичным совпадением рефлексов носовых из списка возможных диалектов писца антиграфа нашего текста (ср. с примерами такого смешения у писца В в Синайской псалтыри [von Arnim 1930: 63–66]), а во-вторых, на свидетельства о восточнославянском (древнерусском) типе их вокализации в языке самого новгородского писца.

В корневых морфемах на исконном этимологическом месте носового заднего ряда **q* наиболее часто отмечается написание нейотированного знака *ж*: *завѣдетъ* 76,10; *лжкъ* 75,4; *мжжи* 75,6; *пжтъ* 67,5; 76,14; 76,20; *ржками* 75,6; *ржками* 76,3; *ржкою* 76,20; *сждъ* 75,9; 75,10. Ошибочным с точки зрения стандартной старославянской орфографии является написание йотированного *ѣж* на этимологическом месте *ж* в корне слова *сждиа* 67,6, причем тот же корень зафиксирован в тексте и в написании *сждъ*. Отражение древнерусского фонетического перехода **q* > *и* находим в случае ошибочного написания графемы *ж* на месте этимологического *оу* в корне *гѣмлаахъ* с.м. 76,7 (ср. стандартное написание *поглоумлж* с.м., также наблюдаемое в нашем тексте), а также в случаях ошибочной постановки *оу* на место этимологического *ж* в корнях *оружие* 75,4 и *съмоутиша* с.м. 76,17.

В суффиксальных морфемах имеем нейотированное *ж* на этимологическом месте в случае *оуснѣша* 75,6 и на потенциальном месте графемы для йотированного *ѣж* в примере *отъемажцоумоу* 75,13 (без отражения палатальности предшествующего сонанта, т. е. при принципиальном отсутствии в тексте "дужки" как знака палатальности сонанта)²⁸.

Во флексиях на этимологическом месте носового в большинстве случаев *ж* и *ѣж* пишутся корректно: *поманѣхъ* 76,4; 76,6; 76,12; *принесѣтъ* 75,12; *силж* 76,15; *съматѣтъ* с.м. 67,6; *аранеж* 76,20; *въселенѣж* 76,19; *мосеовѣж* 76,20; *мышъцеѣж*

²⁵ Вынесение цифрового индекса над строкой (например, *воды* 76,17ⁿ) означает, что указанная форма встретилась в данном стихе *n* раз.

²⁶ Ср. болг. *препя* < **periti*, *pertjǫ* [БЕР 5: 680–681].

²⁷ Неверно видеть данное восточноюжнославянское явление за "спорадическим смешением букв *ж* и *ѣж*", как это делают издатели нашего текста [Зализняк, Янин 2001: 9]

²⁸ Ср. написания *гѣмлаахъ* с.м. 76,7; *вышънаго* 76,11; *людѣхъ* 76,15; *люди* 76,16; 76,21.

76,16; *нощнѣж* 76,3; 76,7; *познаѣтъ сѧ* 76,20; *рѣкоѣж* 76,20; *своѣж* 76,9; (*твѣоѣж* 76,15. И тем не менее, написание нейотированного знака ж на потенциальном месте графемы для йотированного ѣж во флексии находим в примере *поглоуѣмѣж сѧ* 76,13. Напротив, ошибочное написание знака йотированного ѣж на месте нейотированного отмечено единожды в глагольной флексии *поманиѣж* 76,12 (см. также раздел "Морфология"). Отражением древнерусского фонетического перехода *q > и является ошибочное написание знака ж на месте этимологического оу во флексии *dat. sg. бѣж* 75,12 (ср. также написание бѣоу) и, наоборот, также ошибочное написание оу на месте этимологического ж во флексии аориста *обврѣтоу* 75,6.

В корне слова на этимологическом месте носового переднего ряда *ɛ встречается только написание ѧ: *вѣнат* 76,2; *зачала* 76,12; *има* 67,5; 75,2; *кназемъ* 75,13; *начахъ* 76,11; *поманихъ* 76,4; *поманиѣж* 76,12; *сѣматѣтъ сѧ* 67,6; *сѣматохъ сѧ* 76,5. То же находим и в суффиксальных морфемах: *творан* 76,15.

Написание ѧ на этимологическом месте во флексии: *вндѣша* 76,17²; *вѣздрѣмаша сѧ* 75,73; *вѣзматоша сѧ* 75,6; *вса* 75,10; *даша* 76,18; *десница* 76,11; *кона* 75,7; *кротъкъѧ* 75,10; *мѣнна* 76,19; *моѣа* 76,3; *насладатъ сѧ* 67,4; *овѣца* 76,21; *освѣтиша* 76,19; 76,6; 76,12; *прѣвыа* 76,6; *прѣходатъ* 76,18; *своа* *acc. pl. fem.* 76,10; *стѣза* *nom. pl.* 76,20; *сѣмоутиша сѧ* 76,17; *сѣдня* 67,6; *твоа* *acc. pl. masc.* 76,16; *твоа* *nom. pl. fem.* 76,18; 76,19; *тѧ* 76,17². Пассивно-рефлексивный показатель сѧ при глаголах в памятнике всегда пишется с ѧ: *гѣжмѣахъ сѧ* 76,7; *исповѣсть сѧ* 75,11; *овѣщанте сѧ* 75,12; *ѡврѣже сѧ* 76,3 и т.д.

Единственный случай употребления йотированного знака ѣж отмечен во флексии в примере *пѧковыа* 76,16, в котором, как сказано выше, отсутствует эпентетическое ѧ. Ошибочное написание ѧ на этимологическом месте ѧ в примерах *земѣа* 75,9; 76,19 и *оубошѣа сѧ* 76,17 свидетельствует о древнерусском фонетическом переходе *ѧ > ä в говоре новгородского писца. То же явление документировано ошибочными написаниями ѧ и а на этимологическом месте ѧ: *твоа* 76,20² *nom. pl. fem.*; *твоа* *acc. pl. masc.* 76,21; *оуѣнѣша*²⁹ 75,6.

Таким образом, для текста характерна некоторая степень вариантности употребления графем ж // ѣж // оу во всех типах морфем, а букв ѧ // ѣа // а // ѧ во флексии, что, возможно, действительно свидетельствует о "временном ослаблении внимания" писца (ср. [Зализняк, Янин 2001: 7]), но, возможно, указывает и на толерантное отношение новгородского мастера к соответствующим ошибочным написаниям³⁰.

Имеющиеся в тексте представители групп *tьrt, *tьrt и *trьt, *trьt (которые на письме не различаются) отражены в абсолютно подавляющем большинстве случаев последовательно и единообразно как рь: *вѣскрѣвѣхъ* 76,4; *вѣскрѣсетъ* 75,10; *ѡврѣже сѧ* 76,3; *прѣвыа* 76,6; *оудрѣжитъ* 76,10. Аналогичным образом как лъ пишутся и те из групп *rьlt, *rьlt, *tlьt и *tlьt, которые вообще представлены в тексте – *кѣцааше* 76,7; *мѣнна* 76,19; *оумѣча* 75,9. Таким образом, здесь наш писец строго придерживается соответствующего орфографического правила. Особого внимания в этом контексте заслуживает единственное и, по-видимому, просто ошибочное написание без титла и редуцированного – *окрѣтъ* 75,12.

На месте этимологического *ɛ находим без исключения соответствующую графему: *вндѣша* 76,17²; *вѣздрѣмаша сѧ* 75,7; *вѣскрѣвѣхъ* 76,4; *вѣдшон* 75,7; *вѣсѣхъ* 76,13; *вѣкъ* 76,8; *вѣчнѣнъ* 75,5; *вѣчнѣна* 76,6; *гнѣвъ* 75,8; 76,10; *дѣла* 76,12; *дѣлѣхъ* 76,13; *запрѣщениа* 75,7; *измѣна* 76,11; *исповѣсть сѧ* 75,11; *крѣпости* 75,4;

²⁹ Буква после ш ненадежна; возможно, это а, переправленное из ѧ.

³⁰ "Ввиду того, что случаи смешения ж и ѣж с оу и ю в Остромировом Евангелии, Туровских евангельских листках, Тринадцати словах Григория Богослова XI в., Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха XI в. и др. значительно чаще, чем другие руссизмы, предполагают (Козловский, Фортунатов), что это смешение было уже в ю.-сл. оригиналах этих памятников. Но доказать этого нельзя..." [Дурново 1924: 89].

лѣта 76,6; мирѣ 75,3; мѣсто 75,3; нынѣ 76,11; обрѣтоу 75,6; обѣщанте сѧ 75,12; освѣтиша 76,19; отълѣкъ 75,11; отъсѣчетъ 76,9; просвѣщаеси 75,5; прѣдъ 67,5; 76,3; прѣлѣщенъ 76,3; прѣходатъ 76,18; рѣхъ 76,11; сѣтѣмъ 76,14; снотъ 75,3; стрѣлы 76,18; тевѣ 75,8; 75,11²; оутѣшити 76,3. Уникально для нашего памятника написание графемы ѣ на месте этимологического ѡ в адъективной форме гнѣ асс. рl. neutr. 76,12, что отражает известную графическую особенность глаголических памятников письменности и может указывать на глаголический протограф нашего текста.

В языке памятника последовательно сохранено *ы (например, выхъ 76,3; воды 76,17²; вышънаго 76,11; дары 75,12; земъныхъ 75,13; носифовы 76,16; мышъцеяъ 76,16; нынѣ 76,11; помыслахъ 76,6 и т.д.), в том числе и в положении после заднеязычного (например, дѣхъ 75,13; кротъкъмъ 75,10; пакы 76,8). Отметим особо ѣи в качестве графического варианта ы (сирѣихъ 67,6), которое может указывать на характерное для глаголицы разнообразие в написании "еры".

Основной характеристикой языка текста в области редуцированных гласных следует признать отсутствие каких бы то ни было следов их вокализации в сильной позиции и прежде всего отсутствие вокализации *ъ > о, характерной для македонских говоров. С одной стороны, это может указывать на древность протографа (что несколько релятивизируется с учетом того факта, что список с него был сделан с целенаправленным и последовательным применением новой, "одноеровой" орфографии), а с другой стороны, накладывает ограничения на поиск возможной диалектной базы писца антиграфа.

Редуцированный *ъ сохраняется в собственном качестве в сильной позиции в корне снѣхъ 75,6 и в приставке (възъвахъ 76,2; ср. написание възъвахъ на том же месте в Синайской псалтыри). Особый случай представляет написание заимствования пѣсалѣмъ 75,1; 76,1 (ср. с "македонскими" написаниями пѣсаломъ и пѣсаломъ в Синайской псалтыри).

Редуцированный *ь также последовательно сохраняется в сильной позиции в корне (въшѣдъшоумоу 67,5; ср. в Синайской псалтыри въшѣдъшоумоу), в суффиксе -ън- (въчѣнъ 75,5; страшънъ 75,8; ср. в Синайской псалтыри соответственно вѣченъ, но страшънъ) и во флексии (людѣхъ 76,15; ср. в Синайской псалтыри людѣхъ). По всей видимости, качество его также остается неизменным. Написание под титулом днѣхъ 76,3 не позволяет судить о сохранении или вокализации корневого редуцированного.

Существенно меньшее значение для решения поставленных в настоящей работе задач имеют сведения о сохранении или утрате редуцированных в слабой позиции, не позволяющие делать каких-либо однозначных выводов ни о времени написания антиграфа, ни о диалектной принадлежности говора его писца или писцов. Тем не менее, имеет смысл обратить внимание на его неравномерное отражение в различных морфологических категориях и единицах (см. [Кульбакин 1924; 1925–1926]).

В корневых морфемах сохранение *ъ в слабой позиции в языке Новгородской псалтыри реже, чем его отсутствие. Характерно, однако, что в этом случае речь идет о разных корнях, ср.: въздъны 76,17; възъвахъ 76,2 и кто 75,8; 76,14; княземъ 75,13; многахъ 76,20; множества 76,17. Особый случай появления неэтимологического редуцированного в труднопроизносимом консонантном сочетании в иноязычном заимствовании отражает написание пѣсалѣмъ 75,1; 76,1.

В префиксах наблюдается сложная ситуация. Так, приставка въз / въс последовательно и без исключения пишется с редуцированным: възвеселухъ сѧ 76,4; въздадите 75,12; въздрѣмаша сѧ 75,7; възскахъ 76,3; възматоша сѧ 75,6; възкръснетъ 75,10 (ср. написание възкръснетъ в Синайской псалтыри); възкръвѣхъ 76,4; възспонте 67,5, что, возможно, говорит об аналогическом обобщении как произношения, так и графики (ср. написание възъвахъ). Также сохраняется редуцированный и в приставке отъ: отълѣкъ 75,11; отъринетъ 76,8; отъсѣчетъ 76,9; отътоли 75,8; отъемлащоумоу 75,13, что, возможно, поддерживается практи-

кой последовательного написания с редуцированным и соответствующего предлога **отъ**. Неинформативно в этом смысле написание **ѿврѣже сѧ** 76,3.

В случае префикса **въ** большому числу примеров этимологически верного написания (**въшгѣдъшоумоу** 67,5; **вънегда** 75,10; **вънат** 76,2; **въселенѣжъ** 76,19) противопоставлен единственный с написанием инновационным – **всѣд'шон** 75,7 (возможно, опирающимся на вариативность написания также и инициальной корневой группы ***вс-** / ***вс-**). Точно такая же ситуация и с приставкой **съ**. Правильным написаниям **съказалъ** 76,15; **съкончѣ** 76,9; **съкроуши** 75,4; **съматжтъ сѧ** 67,6; **съматоухъ сѧ** 76,5; **съмоутиша сѧ** 76,17; **сътворите** 67,5 противопоставлено единственное с выпавшим редуцированным – **створилъ** 75,9. Следует обратить внимание на вариативность написания инициальной группы **сътъ-** в двух последних примерах. Написание под титлом **спсетъ (да)** 75,10 не дает сведений о судьбе редуцированного в приставке.

Редуцированный сохраняется в суффиксальной морфеме в примерах **въшгѣдъшоумоу** 67,5; **всѣд'шон** 75,7 (единственный случай в тексте, когда для обозначения редуцированного используется паерок); **множества** 76,17, а также в адъективном суффиксе в примере **кротъкъѧ** 75,10.

Предлоги **въ**, **къ**, **отъ**, **прѣдъ**, **съ** последовательно пишутся с редуцированным вне зависимости от его сильной или слабой позиции.

Единичен случай выпадения редуцированного на конце морфологического, но в середине фонетического слова отмечен в примере **вънат ми** 76,2. Показательно, что и в Синайской псалтыри писец С четыре раза опустил знак **ъ** в формах 3 л. ед. и мн.ч. глаголов перед энклитическими **мѧ**, **сѧ** "also eigentlich im Wortinlaut" [von Arnim 1930: 43, 78].

Число примеров с сохранением ***ъ** в слабой позиции в корне равно числу примеров с его утратой, ср.: **въсѣхъ** 76,13 (собственно, в сочетании **въ въсѣхъ**); **въдовницъ** 67,6; **овъца** 76,21; **прѣлъщенъ** 76,3; **стѣза** 76,20 (особый случай, в котором морфонология корня препятствует утрате редуцированного) и **вси** 75,6²; 75,12; **всѧ** 75,10; **дни** 76,6; **ничто же** 75,6; **оуснѣша** 75,6. В этой группе примеров так же, как и в целом ряде других случаев, показательна вариативность написания инициальной группы ***вс-** / ***вс-**.

Последовательно сохраняется редуцированный ***ъ** в суффиксальных морфемах (**въчѣнаѧ** 76,6; **днѣвно** 75,5; **вышнѣго** 76,11; **земныхъ** 75,13; **неразоумѣнии** 75,6; **страшнѣмоу** 75,13²; **трепетѣна** 76,19; **богатства** 75,6; **стражѣвы** 76,5; **мышѣецѧ** 76,16; **конѣца** 76,9; **съкончѣ** 76,9). Написания под титлом **ѿца** 67,6 и **срѣцемъ** 75,6 не дают сведений о судьбе слабого редуцированного. Напротив, отсутствие ассимиляций графически соседствующих согласных и упрощений их групп в форме **срѣцемъ** 76,7 свидетельствует в пользу мнения о сохранении в произношении писца слабого редуцированного ***ъ** между **д** и **ц**; такой же редуцированный следует видеть и за написанием **чѣцко** 75,11.

Одноеровое правописание памятника среди прочего приводит к орфографической омонимии флексий; ср., например, **бранъ** 75,4; **днѣ** 76,3; **пжтъ** 67,5; 76,14; 76,20; **ѿръ** 75,13, с одной стороны, и **сънъ** 75,6; **сждъ** 75,9; 75,10 – с другой.

В нашем памятнике, в отличие, например, от Синайской псалтыри, не отмечено ни одного случая написания напряженных редуцированных; на соответствующем месте (всегда в слабой позиции) находим исключительно **и**: **велии** 76,14; **велие** 75,2; **веселѣ** 67,4; **запрѣщенѧ** 75,7; **мѣнѧ** 76,19; **нощѣжъ** 76,3; 76,7; **оружѣе** 75,4; **помышление** 75,11; **помышления** 75,11; **сѣдѧ** 67,6.

Из особенностей фонетики заслуживают упоминания свидетельства об отсутствии упрощения групп согласных ***-ств-** (например, **богатства** 75,6; **множества** 76,17), ***стр-** (например, **стражѣвы** 76,5; **стрѣлы** 76,18) и ***здр-** (например, **въздрѣмашѧ сѧ** 75,7). За написанием **изѧн** 75,2 (τῷ Ἰσραῆλ) остается скрытой судьба сочетания ***зр** / ***здр**. Кроме того, инновационным, но малоинформативным с точки зрения поиска диалектной базы памятника является наличие стяжения во флексиях местоименного склонения прилагательных и причастий и архаичным, но настолько же малоинфор-

мативным – его отсутствие в формах имперфекта (примеры см. в разделе "Морфология").

Из особенностей орфографии следует отметить несколько. Возможно, отсутствие знака для йотированного *к*, вообще редкого в кириллице, свидетельствует о глаголическом протографе нашего памятника. Вероятно, в этом же направлении указывает и отсутствие знака *ѣ*. В языке памятника отсутствует аффриката *ѣ*, ср.: *кназемъ* 75,13; *стѣза* 76,20 (соответствующая буква употребляется лишь с числовым значением), и в то же время в тексте наличествует знак для согласного *ф* – *носифовы* 76,16. Для нашего текста, в отличие от текста Синайской псалтыри, характерно написание нейотированных букв после шипящих, например *чюдеса* 76,12; 76,15 и *шоума* 76,18; ср. также форму *ноуден* 75,2 без йотированного ю. Любопытны два написания без титла – *имни* 67,5 и *окрестъ* 75,12.

Морфология

Твердый подтип *а*-склонения имен существительных в исследуемом тексте представлен стандартными старославянскими формами *nom. sg. измѣна* 76,11; *acc. sg. снаж* 76,15; *instr. sg. ржкаж* 76,20; *instr. du. ржкама* 76,3; *nom. pl. бездѣны* 76,17; *воды* 76,17²; *стопы* 76,20; *стрѣлы* 76,18; *gen. pl. водъ* 76,17; *горъ* 75,5; *acc. pl. стражбы* 76,5; *щедроты* 76,10; *instr. pl. ржками* 75,6; *loc. pl. водахъ* 76,20. Следует особо отметить употребление плюральных, а не дуальных форм *nom. стопы* и *instr. ржками*, что во втором случае не обязательно должно трактоваться как свидетельство о начале процесса утраты двойственного числа как морфологической категории, а может быть объяснено плюральной семантической базой формы (см. [Белић 2000: 290–291; Жолобов 1998: 21–53]).

В мягком подтипе за исключением древнерусской орфографической инновации – использования буквы *ѣ* для обозначения флексии в *nom. sg.* (что отражает древнерусский фонетический переход **а* > *ѣ*) – также отмечены стандартные морфологические формы: *nom. sg. дѣша* 76,3; *земла* 75,9; 75,19; *gen. sg. десница* 76,11; *сидиа* (*masc.*) 67,6; *dat. sg. земли* 75,10; *instr. sg. мышъцеж* 76,16; *loc. sg. ноуден* 75,2; *nom. pl. мѣнна* 76,19; *стѣза* 76,20; *gen. pl. вѣдовицъ* 67,6; *acc. pl. овъца* 76,21.

Твердый подтип *о*-склонения существительных мужского рода в языке Новгородской псалтыри документирован достаточно большим числом стандартных старославянских форм: *nom. sg. бѣ* 75,2³¹; *гласъ* 76,19; *гнѣвъ* 75,8; *дѣхъ* 76,4; 76,7; *отгѣлькъ* 75,11; *пѣсальмъ* 75,1; 76,1; *gen. sg. грома* 76,19; *рода* 76,9; *шоума* 76,18; *dat. sg. боу* 67,5; 76,2; *бѣж* 75,12; *acc. sg. (одуш.) ба* 76,3; 76,4; (неодуш.) *вѣкъ* 76,8; *гласъ* 76,18; *гнѣвъ* 76,10; *родъ* 76,9; *сынъ* 75,6; *сждъ* 75,9; 75,10; *цитъ* 75,4; *voc. sg. бѣже* 75,7; 76,14; *бѣ*³² 76,17; *instr. sg. гласомъ* 76,2²; *loc. sg. мирѣ* 75,3; *сионѣ* 75,3; *nom. pl. облаци* 76,18; *gen. pl. лжкъ* 75,4; *глаголы* 76,9; *дары* 75,12; *дѣхы* 75,13; *запады* 67,5. Данный подтип характеризуется тем, что в *acc. sg.* различаются одушевленная и неодушевленная подпарадигмы, отражены результаты первой палатализации в форме *voc. sg. бѣже* и второй палатализации в форме *nom. pl. облаци*, а в *instr. sg.* отмечается собственно южнославянская флексия *-омъ*. Древнерусской орфографической инновацией является использование буквы *ж* для обозначения флексии в *dat. sg.*, что отражает древнерусский фонетический переход **ж* > *и*. Незначительность материала не позволяет однозначно говорить об отсутствии следов проникновения в эту парадигму форм *й*-склонения (типа *gen. sg. гласоу*), что удаляло бы наш памятник в языковом отношении от Супрасльской рукописи, Синайской псалтыри и Синайского евхология (см. [Панић 1991: 178]). Из мягкого подтипа имеем стандартные формы *gen. sg.*

³¹ Также 75,10; 76,10; 76,14²; 76,15.

³² Форма находится на конце строки.

конѣца 76,9; ѿѣа 67,6; loc. sg. нѣли 75,2; nom. pl. мѣжи 75,6; gen. pl. ѿръ 75,13; dat. pl. княземъ 75,13; acc. pl. конѣ 75,7.

Твердый подтип *o*-склонения существительных среднего рода представлен стандартными старославянскими формами nom. sg. мѣсто 75,3; gen. sg. богатѣства 75,6; зачала 76,12; множѣства 76,17; nom. pl. дѣла 76,12; acc. pl. лѣта 76,6; loc. pl. дѣлѣхъ 76,13, в то время как мягкому подтипу принадлежат формы nom. sg. жилище 75,3; помышление 75,11; gen. sg. запрѣщенна 75,7; лица 67,6; помышленна 75,11; acc. sg. оружје 75,4; instr. sg. срѣземъ 75,6; срѣземъ 76,7; loc. sg. веселнѣ 67,4; мори 76,20; loc. pl. начинанихъ 76,13. Как видим, и здесь в instr. sg. отмечена собственно южнославянская флексия *-емъ*. И в этом случае материала недостаточно для того, чтобы утверждать, что для подтипа в целом характерно отсутствие следов проникновения флексий из *s*-деклинации (ср. отсутствие форм типа дѣлаесе и личесе, встречающихся, например, в Супрасльской рукописи).

В тексте отмечено лишь одно существительное *й*-склонения муж. рода сынъ в форме acc. pl. сны 76,16.

Существительные жен. рода, изменяющиеся по образцу *i*-склонения, представляют следующие формы: gen. sg. печали 76,3; acc. sg. брань 75,4; милость 76,9; instr. sg. ношиѣ 76,3; 76,7; acc. pl. крѣпости 75,4. Duale tantum *i*-склонения представляет собой форма nom. очн 76,5. В мужском роде этот тип представлен прежде всего nom. и acc. sg. пѣть 76,14; 76,20; 67,5; acc. pl. люди 76,16; 76,21; loc. pl. людѣхъ 76,15, в то время как господь демонстрирует наряду с nom. sg. гѣ 67,5; 76,8 также особую форму dat. sg. гѣи 75,12, возникшую под аналогическим влиянием *й*-склонения [Панић 1991: 185]; возможно, именно эту форму следует предполагать и за записью гѣ-- 76,2 (*o*-склонении данного существительного см. [Грамматика 1991: 158–159]). Предполагается, что dat. sg. господѣи относится к древнейшему слою перевода псалтыри и евангелия [von Arnim 1930: 251].

Консонантное *n*-склонение в муж. роде представлено формами acc. sg. днѣ 76,3 и acc. pl. дни 76,6. Для средн. рода отмечены nom. sg. има 67,5³³ и dat. sg. имни 67,5. Имена существительные средн. рода *s*-склонения представлены всего тремя стандартными формами: gen. sg. нѣсе 75,9; loc. sg. колѣси 76,19; acc. pl. чюдеса 76,12; 76,15.

В тексте встретились лишь стандартные формы личных местоимений 1–2 sg. (энклитические dat. sg. ми 76,2; acc. sg. тѣ 76,17² и полноударные – nom. sg. ты 75,5; 75,8; 76,15; dat. sg. тебѣ 75,8; 75,11²). Указательное местоимение *n*, функционирующее в качестве личного, представлено gen. sg. его 67,5³³; dat. sg. емоу 67,5; instr. sg. нимъ 67,5; 76,3. В качестве показателя пассива и возвратности глаголов используется энклитическая форма acc. sg. возвратного местоимения сѣ. Интересно отсутствие эпентетического *n* в форме 3 sg. masc. gen. его в предложной конструкции окрѣсть его 75,12. Вопросительные местоимения представлены лишь формой nom. sg. кто 75,8; 76,14; отрицательные – формой acc. sg. ничто же 75,6.

Имеющиеся в тексте притяжательные местоимения предоставляют следующую информацию о состоянии мягкой разновидности местоименного склонения: в мужском роде nom. sg. мой 76,4; 76,7; нашъ 76,14; твои 75,8; 76,14; 76,20; gen. sg. твоего 76,19; dat. sg. нашему 75,12; acc. sg. свои 75,6 (неодуш.); 76,10; instr. sg. моимъ 76,2²; 76,7; acc. pl. твои 76,16; твои 76,21; в женском роде nom. sg. моя 76,3; gen. sg. моего 76,3; acc. sg. (тв)оуж 76,15; своуж 76,9; instr. du. моима 76,3; nom. pl. твои 76,18; 76,19; твои 76,20²; acc. pl. свои 76,10; instr. pl. своими 75,6³⁴; в среднем роде gen. sg. твоего 75,7; nom. du. мои 76,5; acc. pl. твои 76,12; loc. pl. neutr. твоихъ 76,13². И в этой парадигме единственной инновацией является орфографическая – использование буквы *ja* для обозначения флексии nom. pl. жен. рода и acc. pl. муж. рода.

³³ Также 67,6; 75,2; 75,3²; 75,12.

³⁴ Вместо *du*.

Указательное *съ* засвидетельствовано лишь в *nom. sg. fem. сн* 76,11. Немногочисленны и засвидетельствованные формы склонения слова *вьсь*: *nom. pl. masc. вси* 75,6²; 75,12; *acc. pl. masc. вса* 75,10; *loc. pl. neutg. вьсьѣхъ* 76,13.

Субстантивное склонение имен прилагательных представлено в памятнике преимущественно формами прилагательных притяжательных, демонстрирующих как мягкую, так и твердую разновидности словоизменения: в мужском роде *nom. sg. страшънъ* 75,8; *наковъ* 75,7³⁵; *велии* 76,14; *acc. pl. носифовы* 76,16; *наковы* 76,16; в женском роде *nom. sg. трепетьна* 76,19; *instr. sg. аранежъ* 76,20; *мосеовоужъ* 76,20; *gen. pl. вѣчьнъ* 75,5; *loc. pl. многахъ* 76,20; в среднем роде *nom. sg. чѣско* 75,11; *велие* 75,2; *acc. pl. гнѣ* 76,12. Уже упоминавшимся орфографическим архаизмом, имеющим источник в глаголической письменности и указывающим на, возможно, глаголический протограф нашего текста, является употребление буквы *ѣ* для обозначения флексии *acc. pl. neutg.* в последнем примере.

Адъективное склонение представляет небольшой ряд имен прилагательных и имя существительное *вьселенага*: в мужском роде *gen. sg. вышънаго* 76,11; *dat. sg. страшъноуѣмоу* 75,13²; *nom. pl. неразоумънии* 75,6; *gen. pl. земъныхъ* 75,13; *сирънихъ* 67,6; *acc. pl. кротъкыа* 75,10; *пръвыа* 76,6; в женском роде *acc. sg. вьселенжижъ* 76,19³⁶; в среднем роде *loc. sg. свѣтъмъ* 76,14³⁷; *acc. pl. вѣчьнага* 76,6. Внимания заслуживает наличие только стяженных форм *вышънаго*, *страшъноуѣмоу* и *свѣтъмъ* в ед. числе и *земъныхъ*, *сирънихъ* во мн. числе.

Действительное причастие настоящего времени представлено только членными формами только муж. рода: *nom. sg. творачи* 76,15; *dat. sg. отъемлащюуѣмоу* 75,13; *nom. pl. сжциі* 75,12. Трудно локализуемыми морфологическими инновациями текста, возможно, восходящими к языку антиграфа, являются а) наличие только флексии *-и-* в *nom. pl. masc.* (наряду со старой флексией *-е-* она часта и в Синайской псалтыри) и б) наличие стяженной формы *dat. sg. masc.* В тексте наличествует лишь одно страдательное причастие настоящего времени в форме *nom. sg. masc.* именного склонения – *знаемъ* 75,2.

Действительное причастие прошедшего времени представлено только двумя формами местоименного склонения муж. рода. Однозначной морфологической инновацией текста является наличие стяженной формы *dat. sg. masc. вьшъдъшоуѣмоу* 67,5. Загадочная форма *nom. pl. masc. всѣд'шон* 75,7 (с учетом указания издателей текста о том, что "буква *о*, возможно, переправлена из полузатертого и"³⁸) может быть интерпретирована как инновационный *nom. pl. masc. (*вьсѣдъшини)*, параллельный форме действительного причастия настоящего времени *сжциі*. Написание *о*, вероятно, появилось в результате исправления писцом ошибки антиграфа "по памяти". Против интерпретации этого написания как несознательного отражения фонетического перехода [e] > [o], как кажется, говорит как более поздняя датировка последнего XII в. и отсутствие необходимых фонетических условий (ср. [Зализняк 1995: 56]), так и то, что писец, отличающийся высоким уровнем владения старославянской нормой, предпринял это исправление целенаправленно. Страдательное причастие прошедшего времени представлено только двумя формами именного склонения в прямых падежах муж. рода: *nom. sg. прѣкъщенъ* 76,3 и *acc. sg. оуслышанъ* 75,9.

³⁵ В вокативной синтагме.

³⁶ Subst. fem.

³⁷ Субстантивировано.

³⁸ Неясно, почему издатели текста возводят написание *с о* к южнославянскому протографу (т. е. антиграфу) Новгородской псалтыри (см. [Зализняк, Янин 2001: 10]); как кажется, антиграфу должно было быть свойственно написание *с и*.

Презенс I-го спряжения³⁹ тематических глаголов представляют: 3 sg. *завѣдетъ* 76,10; *отгъсѣчетъ* 76,9; *спсѣтъ* 75,10 и 3 pl. *принесѣтъ* 75,12; *съматѣтъ сѧ* 67,6. II спряжение репрезентируют формы 1 sg. *поманиѣ* 76,12; 3 sg. *въскрѣснетъ* 75,10; 3 sg. p. gae. *отгъринетъ* 76,8; графической особенностью текста является употребление буквы *ѣ* для обозначения флексии 1 sg. (менее вероятно, с учетом общей вариантности написаний с *ж* и *ѣ*, что речь идет об изменении этого глагола по типу IV спряжения, с инфинитивом *поманити*). По III-му спряжению изменяются глаголы *познати* и *просвѣщати*: 2 sg. *просвѣщаеси* 75,5 и 3 pl. *познаѣтъ сѧ* 76,20. Любопытно, что в исследуемом памятнике глагольные формы 2 sg. представлены исключительно либо 2 sg. p. gae. *еси* в презенсном значении, либо той же формой в составе формы перфекта, либо ошибочным написанием 2 sg. p. gae. *просвѣщаеси* 75,5, содержащим то же *еси*. Возможно, это окказиональный случай аналогического влияния форм атематического спряжения на тематическое. IV спряжение представлено формами 1 sg. *погложмѧ сѧ* 76,13; 3 sg. *приложитъ* 76,8; *протвѣнтъ сѧ* 75,8; *оупразнитъ сѧ* 75,11; *оудръжитъ* 76,10; 3 pl. *насладатъ сѧ* 67,4; *прѣходатъ* 76,18. Из атематических глаголов презенсные формы 2 sg. *еси* 75,8; 76,15 и 3 sg. *исповѣстъ сѧ* 75,11. Императив тематических глаголов представлен формами 2 pl. *въспонте* 67,5; *обѣщанте сѧ* 75,12; *понте* 67,5; *радоѣте сѧ* 67,5; *сътворите* 67,5. Из форм атематических глаголов находим также 2 pl. *въздадите* 75,12; это единственные глагольные формы 2 pl. в исследуемом тексте.

Наиболее интересны в памятнике формы аориста.

Глаголы I класса⁴⁰ представляют в тексте интересное сочетание форм простого и обоих сигматических аористов. Так, морфологическим архаизмом является простой аорист 3 pl. *обврѣтоу*⁴¹ 75,6 (ср. 3 pl. *възματοша сѧ* 75,6), а относительным архаизмом – форма древнего сигматического аориста 1 sg. *рѣхъ* 76,11. Напротив, инновацией является форма нового сигматического аориста 1 sg. *съматоухъ сѧ* 76,5 и отсутствие образований типа *съмась сѧ* (каковые представлены, например, в Синайской псалтыри). Таким образом, именно с Новгородской, а не с Синайско-Бычковской псалтыри "в псалтырных текстах начинается и замена старых форм аориста, засвидетельствованных в Синайской, Погодинской, Софийской и Хорватской глаголической псалтыри, новыми" [Карачорова 1989: 188]. Наблюдения над формами аориста, с одной стороны, подкрепляют нашу относительную датировку протографа Новгородской псалтыри как текста более позднего по сравнению с псалтырью Синайской, а с другой стороны, удаляют наш текст от старославянских памятников македонского происхождения. Формы 3 sg. *изнеможе* 76,4; *ѡврѣже сѧ* 76,3 обычны. II класс представлен формами аориста 1 sg. *начахъ* 76,11 и 3 sg. *вънат* 76,2; при этом у первого глагола особенно показательно наличие не древнего форманта сигматического аориста (тип *начась*), а нового, перенесенного сюда по аналогии.

Из глаголов III-го класса в аористе зафиксированы лишь 1 sg. *поманихъ* 76,4; 76,6; 76,12 и 3 pl. *оусниша* 75,6, причем орфографической инновацией текста является использование буквы *а* во флексии 3 pl. (однако по замечанию издателей текста это *а*, возможно, переправлено из *ѧ*). Глаголы IV класса с основной инфинитива на *-ѣ* представлены в аористе 1 sg. *въскрѣвѣхъ* 76,4 и 3 pl. *видѣша* 76,17². Глаголы с основной инфинитива на *-и* демонстрируют наряду со стандартным набором флексий в аористе (1 sg. *възвеселихъ сѧ* 76,4; *помыслихъ* 76,6; *поучихъ сѧ* 76,6; 76,13; 3. sg. *съкроуши* 75,4; 3. pl. *освѣтиша* 76,19; *съмоутиша сѧ* 76,17) также морфологическую инновацию – флексию *а* в форме 3 du.: *варнста* 76,5. Глаголы с основной инфини-

³⁹ В настоящей работе принимается классификация основ старославянского глагола И. Добрева [Грамматика 1991. 271–288].

⁴⁰ Грамматика 1991: 270, 288–299.

⁴¹ Древнерусскую фонетическую инновацию отражает написание *-оу* на месте *о* во флексии 3 pl.

нитива на -а- морфологических инноваций или архаизмов не демонстрируют (1. sg. възискахъ 76,3; възъвахъ 76,2; глѣхъ 76,5; 3. sg. подвижа сѧ 76,19; съконъча 76,9; оубога сѧ 75,9; оумлъча 75,9; въздрѣмаша сѧ 75,7; оубошша сѧ 76,17). Орфографический характер носит инновационное древнерусское написание ѧ вместо ѧ в последней форме. Аорист атематических глаголов представлен формами 1 sg. выхъ 76,3; 3 sg. высть 75,3; 76,19; 3 pl. даша 76,18.

В тексте встретились формы имперфекта лишь двух глаголов; здесь показательное отсутствие стяжения гласных -аа- > -а-: 1 sg. гажмлаахъ сѧ 76,7; 3 sg. клѣцааше 76,7. Формы перфекта зафиксированы в тексте четырежды и только во 2 sg. masc.: избавилъ еси 76,16; извелъ еси 76,21; съказалъ еси 76,15; створилъ еси 75,9. Инфинитив представлен лишь тремя формами вл(а)говолити 76,8; помилovati 76,10 и оутѣшити (сѧ) 76,3.

НОВГОРОДСКАЯ ПСАЛТЫРЬ И ПАМЯТНИКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Согласно новейшей хронологии и классификации канонических памятников старославянского языка, предложенной Й. Схакеном и Х. Бирнбаумом, в истории этого языка (называемого авторами древнецерковнославянским) следует различать следующие периоды: моравско-паннонский (с единственным сохранившимся текстом этого периода – Киевскими листками), болгаро-македонский (вторая половина X в. или XI в., и в особенности время правления Симеона) и, наконец, поздний старославянский (рубеж XI и XII веков) [Schaeken, Birnbaum 1999: 15–18]. Основным дифференциальным признаком новейших канонических текстов, т. е. текстов позднего периода, является использование лишь одного графического знака для обоих редуцированных, т. е. так называемая "одноеровая" орфография. "Другие особенности – это относительно ограниченное употребление йотированных букв (среди них и для носовых) и большое число смещений первоначальных носовых". Авторы полагают даже возможными и обратные заключения – "языковые памятники с одним ером, вероятно, происходят из позднедревнецерковнославянской эпохи" [Schaeken, Birnbaum 1999: 23, 24]. Глаголическое или кириллическое письмо не может служить ни единственным, ни даже основным признаком для размещения старославянских памятников в хронологической последовательности. Памятники двух последних эпох могут быть глаголическими, и тогда они обычно демонстрируют западные (западноболгарские, македонские) черты (основная из которых – это вокализация *ъ в о⁴²), или кириллическими, и тогда они часто характеризуются восточноболгарскими признаками.

Среди одноеровых (ъ) памятников позднего старославянского периода находим глаголический Боянский евангельский палимпсест (БП) и два кириллических текста – Листки Ундольского (отрывок евангелия, ЛУ) и Енинский апостол (ЕА)⁴³. Кажется привлекательным причислить антиграф Новгородской псалтыри (НП) к этой группе памятников на основании ее главной орфографической характеристики, однако ряд других орфографических и собственно языковых признаков этих старославянских текстов, а также проблемы абсолютной хронологии заставляют подойти к данному вопросу очень взвешенно. Кроме одноеровой орфографии лишь один признак проходит по всем четырем памятникам: в БП как в глаголическом памятнике нет особого знака для

⁴² Общепринято, что отсутствие примеров "прояснения" редуцированного заднего ряда в сильной позиции в о является достаточным основанием для локализации языка старославянского памятника послеморавского периода в восточной Болгарии (см., например [Мирчев, Кодов 1965: 201, 225; Тот 1978: 251; Минчева 1978]).

⁴³ К неканоническим одноеровым старославянским памятникам относится Житие Кондрата XI в., протограф которого "был восточноболгарской рукописью с одноеровой орфографией, как и Енинский апостол" ([Тот 1978: 249–251]; см. также [Бояджиев 1995: 48–50]).

йотированного ѣ, нет его и в кириллических ЛУ и ЕА и, очевидно, в антиграфе НП. Остальные совпадения распределяются следующим образом: антиграф Новгородской псалтыри был написан кириллицей как ЛУ и ЕА, имел четыре знака для носовых как БП, употреблял их этимологически верно как ЛУ, как и БП редко имел графему ѣ́ для "еры", как ЛУ и БП имел и на месте напряженного еря; непоследовательно сохранял I-erentheticum как БП и ЕА; последовательно имел оу после ч как изредка БП.

Существенны, однако, различия между тремя старославянскими текстами и предполагаемым антиграфом Новгородской псалтыри. Так, в БП и ЕА имеет место, хоть и редко, мена юсов; в ЛУ и ЕА нет йотированных юсов; во всех трех старославянских памятниках отмечаются следы вокализации редуцированных, на месте напряженных редуцированных в ЕА изредка пишется ѣ́; йотированное а в ЛУ отсутствует, а на его месте пишется ѣ́; в ЕА ѣ́ редко, а на его месте также обычно пишется ѣ́; в ЛУ последовательно сохраняется I-erentheticum; во всех трех старославянских памятниках имеется графема для ѕ; наконец, во всех трех старославянских текстах после шипящих (например ч) пишутся йотированные буквы (например ю), с редкими отступлениями в БП. Таким образом, как данные абсолютной хронологии, так и орфографические и языковые особенности поздних старославянских памятников не позволяют причислить к ним антиграф Новгородской псалтыри. Бросается в глаза особенно большое число расхождений именно с характеристиками кириллических текстов, очевидно писанных в восточной Болгарии, и, напротив, относительно частое присутствие черт глаголического Боянского палимпсеста в списке сходств с орфографией и языком антиграфа Новгородской псалтыри при его относительно меньшем участии в списке отличий. Создается впечатление, что наш антиграф мог иметь в свою очередь в качестве антиграфа памятник, близкий по характеристикам к Боянскому палимпсесту. Однако последний, по убедительному заключению И. Добрева, "возник в западноболгарской языковой среде", что устанавливается прежде всего на основании характера вокализации редуцированных [Добрев 1972: 82]. Из морфологических особенностей БП интерес представляют флексия -омоу в dat. sg. masc. и neutg. местоименного склонения прилагательных, отсутствие нестяженных форм имперфекта, напротив, наличие стяжения в gen. sg. masc. прилагательных, наличие форм древнего сигматического аориста [Добрев 1972: 85–86]; первая и последняя особенность отличают язык БП от языка Новгородской псалтыри. "Одноеровый" характер орфографии глаголического Боянского палимпсеста есть, по мнению И. Добрева, "доказательство того, что в преддверии XII в. делались определенные попытки орфографических изменений, вызванные развитием живой речи. В условиях византийского рабства эти попытки имели локальный характер и ограничивались механическим устранением одного из редуцированных гласных" [Добрев 1972: 82]. По мнению Б. Велчевой, "одноеровые" глаголические тексты подтверждают общее положение о продолжении глаголической традиции в болгарских центрах письменности [Velčeva 1988: 705]. Показательно, что и в глаголической Синайской псалтыри имеются части, писцы которых преимущественно употребляли ѣ́, а в так называемой части IV "достигнута не всего лишь начальная стадия среднеболгарской графики, а конечная стадия исключительного использования знака ѣ́ для *ъ и *ь" [von Arnim 1930: 7, см. также 10].

Серьезное хронологическое расхождение между датировкой Новгородской псалтыри (сохраняющей различие носовых заднего и переднего ряда и не представляющей примеров вокализации редуцированных) как минимум первой третью XI в. и отнесением "одноеровых" старославянских рукописей (с их хотя бы частичным смешением носовых и вокализацией редуцированных) к рубежу XI и XII веков⁴⁴ может

⁴⁴ В истории среднеболгарской письменности, т. е. с XII в. одноеровая (ѣ́) орфографическая школа локализуется на юго-западе Македонии и обычно носит название охридской; напротив, в северной Македонии возникает кратовская или злетовская школа с предпочтением ѣ́ [Цонев 1905; 1984: 167–168; Гъльбов 1968].

быть удовлетворительно объяснено, если обратить внимание на такие памятники старославянского языка, как "одноеровые" надписи. Кстати, сам факт их существования служит основанием для призывов к корректуре датировки одноеровой орфографии кириллических памятников в сторону ее удревления [Velčeva 1988: 706]. Причины появления "одноеровой системы" неизвестны. О. Неделькович увязывала ее с депалатализацией согласных [Неделькович 1967: 10], но это вряд ли приемлемо с учетом тех фактов, что древнейшие надписи такого рода появляются на территории восточной Болгарии и Румынии и что противопоставление согласных по палатализованности / непалатализованности до сегодняшнего дня сохраняется как раз в восточноболгарских диалектах. С другой стороны, появление такой орфографии можно было бы увязать с утратой различения редуцированных на западноюжнославянской языковой территории или в области распространения болгарского родопского наречия, но это противоречит исторически первичной локализации таких памятников на северо-востоке, где рефлексы редуцированных не совпадали.

Одноеровую (ъ) кириллическую орфографию, впервые отмечаемую в Добруджанской надписи 943 г. из Мирча Воды [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 108–109], Б. Велчева, вслед за И. Гылыбовым, связывает с преславской кириллицей (см. [Velčeva 1988: 706]; см. также [Popkonstantinov 1988]). Для "одноеровой" (ъ) кириллической орфографии Б. Велчева локализации не дает, указывая лишь на ее наличие в уже известных нам относительно поздних Листках Ундольского и в Енинском апостоле [Velčeva 1988: 707]. Известна, однако, именно одноеровая (ъ) кириллическая надпись *Ѣнѣ грѣшѣнѣ писалѣ въ тѣмъници сѣда* X в. в том же Преславе; к концу IX – началу X в. относится одноеровая (ъ) кириллическая надпись в Теке Козлуджа (Плиска) [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 196–197, 156–157]. На наличие этого, очень показательного отличия от общей тенденции к употреблению ь в преславской школе обратила внимание еще В. Иванова [Иванова 1933: 321]. Один знак ѣ употребляется, далее, в сербских кириллических надписях XII в. (плита из Хумаца, надпись Грда и др.; все эти памятники "из западного, боснийско-хумского региона") [Чигоя 1998: 61–63], причем О. Неделькович допускает возможность датирования плиты из Хумаца концом X – началом XI в. [Неделькович 1967: 16], а Б. Чигоя увязывает рассмотренные ею надписи с глаголической орфографической традицией, отразившейся в зетско-хумском правописании. Как утверждает О. Неделькович, таким образом оказывается, с одной стороны, что уже в середине X в. "существовала утвердившаяся одноеровая система", а с другой, что употребление знаков для редуцированных irrelevantно для определения территориальной принадлежности памятника, поскольку одноеровые системы, отмечающиеся уже с X в., представлены и на западе, и на востоке Балкан [Неделькович 1967: 34, 25], т. е., добавлю, как в сербохорватской, так и в болгаро-македонской языковой области. Однако это обобщение О. Неделькович не может быть распространено на географическую территорию Македонии, откуда мы располагаем лишь двуеровыми надписями X–XI вв. (см. [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 14–16, 36–38]; см. также [Гошев 1961; Попконстантинов 1985]). Мы не можем, следовательно, утверждать, что одноеровая кириллическая школа с ѣ была известна в Македонии уже в X–XI вв. (хотя мы и располагаем, по всей видимости, "одноеровой" (ъ) частью глаголической Синайской псалтыри XI в.). Как подчеркивает А. Бояджиев, наиболее ранние памятники ѣ-типа встречаются именно в восточной части древней Болгарии, а "их проникновение на запад, по всей видимости, можно считать более поздним" [Бояджиев 1995: 59]. В любом случае, особенности антиграфа Новгородской псалтыри невозможно рассматривать без учета сведений об "одноеровой" (ъ) кириллической орфографии надписей X–XI вв. и прежде всего, если учесть общеисторические, текстологические, лингвистические аргументы и его кириллическое письмо, – сведений о надписях восточноболгарских.

Кроме того, необходимо поставить вопрос о его отношении к известной "преславской" или "симоновской" редакции. Считается, например, что среди сохранившихся

и описанных рукописей псалтыри характеристики этой редакции лучше всего представлены в Чудовской псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского XI в. [Славова 1989: 17], хотя обычно и признают, что ни одна из сохранившихся старославянских рукописей X в. не отражает полностью следов преславской обработки.

В центре внимания при рассмотрении характеристик преславских текстов находятся лексические замены, произведенные относительно первоначальной редакции старославянских текстов⁴⁵. Наиболее подробно они описаны для рукописей евангелия Т. Славовой, а для текста Новгородской псалтыри релевантными парами оказываются следующие [Славова 1989]: 6. **брань** ὁ πόλεμος – **рать**; 14. **въздати** ἀποδίδωμι – **отъдати**; 16. **възъвати** καλέω – **въскрнчати**; 17. **въскрнхити** ἀνίστημι – **въстати**; 29. **древьнь** ἄρχαῖος – **првьъ**; 38. **и каи** – **ти**; 50. **коньчина** τὸ τέλος – **коньць** (первой следует "кирилло-мефодиевская лексема" с ее номером по списку, затем греческое соответствие и, наконец, "преславская лексема"). Как видим, в Новгородской псалтыри в подавляющем числе случаев представлена однозначно кирилло-мефодиевская лексика (**брань**, **въздати**, **възъвати**, **въскрнхити**, **и**), в то время как однозначный "преславизм" всего лишь один – **првьъ**. Лексема **коньць** представлена в качестве соответствия греческому τὸ τέλος уже в древнейших списках славянского перевода евангелий [Люсен 1995: 223; ср. также СтслСл: 290] и поэтому вряд ли может служить в качестве примера лексической редакции текста преславского типа.

Итак, лексические особенности Новгородской псалтыри позволяют связать текст ее антиграфа с преславской редакцией не в большей степени, чем текст других сохранившихся восточноболгарских рукописей X в. В лучшем случае наш текст свидетельствует о существовании лексики древнейшей редакции с минимальными новыми вкраплениями. Возникает вопрос о том, является ли это свидетельством постепенности накопления "преславских" черт в древнеболгарской письменности, особенно в памятниках, представлявших длительную кирилло-мефодиевскую традицию, или же свидетельством существования школы, отличной от преславской, к которой и следует относить антиграф нашего текста?

Не так давно А.А. Алексеевым были вскрыты и грамматические признаки преславской редакции (см. [Алексеев 1999: 167]), которые, как оказалось, тоже не характерны для текста Новгородской псалтыри. Так, например, в преславской редакции "аорист 2-го лица переводится аористом же, а не перфектом, как в кирилло-мефодиевских текстах"; выше мы, однако, видели, что по этому параметру Новгородская псалтырь указывает на кирилло-мефодиевский перевод. Правилу "Греческий пассив всегда переводится глагольными формами с возвратной частицей **са**" не отвечает пример из Новгородской псалтыри в 76,3 οὐκ ἤπλατήθη – **не прѣльщенъ выхъ / не прѣльщенъ въихъ**. Наконец, в отличие от текстов преславской редакции, Новгородская псалтырь не представляет примеров перевода "греческого целевого инфинитива с артиклем <...> инфинитивом с частицами **яко**, **якоже**" (ср. 75,10 ἐν τῷ ἀναστῆναι εἰς κρίσιν τὸν θεὸν τοῦ σῶσαι πάντας τοὺς πρᾶεις τῆς γῆς – **вънегда възкръснетъ на сждъ бѣ да спсетъ вса кроткъма земли / вънегда възкръснетъ на сждъ бѣ да оупасетъ всьма кроткъма земли**). Кроме того, актуальные исследования К. Костовой показали, что "преславские книжники систематически включали не только лексические, но и фонетические явления своего родного (северо-восточноболгарского – А.С.) диалекта при переписывании переводных и оригинальных сочинений на древнеболгарский язык" ([Костова 1992: 22]; см. подробное изложение в [Костова 2000]). Отсутствие каких бы то ни было ярких южнославянских диалектных черт в Новгородской псалтыри может, таким образом, также служить косвенным основанием для сомнений в том, что ее антиграф относится к кругу преславских текстов.

⁴⁵ Лексические преславизмы иногда рассматриваются и как свидетельства северо-восточноболгарского происхождения языка памятника [Костова 2000: 25].

Можно сказать, что хотя наш текст и мог быть переписан в восточной Болгарии с протографа кирилло-мефодиевской книжной школы, но, по всей видимости, нельзя вести речь о его редактировании ни целиком, ни хотя бы частично в духе преславской редакции. Скорее всего, мы имеем дело именно с памятником, представляющим какую-то иную книжную школу⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение факта обнаружения и публикации текстов Новгородского кодекса для славянской филологии трудно переоценить. Очевидно, что комплексное филологическое изучение этого памятника приведет к уточнению, а в ряде случаев и к пересмотру ряда устоявшихся общих положений в самых различных сферах палеославистики, что на данном этапе работы, а тем более в рамках настоящей статьи было бы пока еще явно преждевременно.

Анализ текста и языка Новгородской псалтыри, несмотря на скудость материала, который можно извлечь из основного текста церы, позволяет осторожно предположить, что ее антиграф был создан в русле традиции копирования кирилло-мефодиевского славянского текста, сопровождавшегося постоянным, сознательным и целенаправленным исправлением его (в том числе, возможно, устранением "западных" и Оригеновских чтений) для приближения к греческому оригиналу, по всей видимости, Лукиановской рецензии.

Невозможно однозначно утверждать, был ли протографом Новгородской псалтыри глаголический текст (ср. написания гнѣ , сирѣихъ , форму гѣи , отсутствие графем к и џ ; ср. также некоторую общую близость орфографии с орфографией глаголического Боянского палимпсеста), но этот текст отражал основные принципы и приемы переводческой техники Кирилла и Мефодия, будучи в то же время текстологически независимым от Синайской псалтыри, традиционно возводимой к первоначальному кирилло-мефодиевскому переводу.

Текстологические особенности Новгородской псалтыри отличают ее от старославянских памятников моравского периода, а также от текстов, относимых к письменной традиции славян побережья Адриатики, но не совпадают и с текстологическими характеристиками древнеболгарской преславской редакции старославянских текстов. Возможно, новых интересных результатов следует ожидать от сопоставления нашего текста с памятниками "русской" редакции славянского текста псалтыри.

Особенности антиграфа отражают результаты целенаправленной стандартизаторской деятельности в области орфографии (возможно, связанной с южнославянской традицией одноеровых кириллических надписей), характеризующейся строго регламентированными написаниями только с ъ (в том числе и ръ , лъ), но допускающей некоторую вариативность употребления графем ж // ѣ // оу , а // ѡ // а // ѡ и написаний с сохранением и опущением слабых редуцированных. Недавнее обнаружение в с. Одырци, р-н Добрича оловянной пластинки с одноеровой надписью X в., отражающей восточнославянские языковые особенности в рефлексации носовых и явно писанной восточным славянином, позволяет ожидать новых интерпретаций в вопросах о месте, времени и характере языковых и культурных контактов между древними Болгарией и Русью (см. [Бояджиев 1995: 66]). Пока открыт вопрос о времени и месте появления орфографической системы с безысключительным написа-

⁴⁶ Возможно, наш предполагаемый антиграф следует сопоставить с той традицией, которую представляет известная Саввина книга, кстати, включающая в свой состав и лист 165, писанный "одноеровой" орфографией в XI в., причем "переписчик его той же школы и из той же области, что и переписчик Саввиной книги" [Дограмаджиева 1993: 16, 21]. Текст этого листа, правда, относят к преславской редакции.

нием ъ, рь, лъ, но с удивительными для такой высокостандартизированной системы колебаниями в употреблении йотированных и нейотированных букв для носовых и толерированием написаний, отражающих восточнославянские рефлексии тех же носовых. В настоящий момент еще преждевременно было бы утверждать, что уже в Болгарии X в. могла сложиться практика "русского письма", которая могла быть освящена некоторым авторитетом и которой воспользовался наш новгородский писец⁴⁷.

Язык памятника старославянский, восточноюжнославянский. Несмотря на то, что в тексте не отражены инновационные черты диалекта древнеболгарского писца антиграфа, которые можно было бы однозначно локализовать в пространстве, язык антиграфа Новгородской псалтыри может быть охарактеризован алофатически. С одной стороны, такие "отрицательные характеристики", как отсутствие следов смешения носовых, отсутствие следов вокализации редуцированного заднего ряда и отсутствие форм сигматического аориста, а также ряд более мелких расхождений с языком Синайской псалтыри (например, написание нейотированных букв после шипящих, отсутствие напряженных еров, отсутствие флексии -ε- в формах мн.ч. причастий м.р., инновационная флексия а в форме 3 л. дв.ч. аориста) и, наконец, кириллическое письмо, по всей вероятности, исключают Македонию как возможное место написания нашего антиграфа. С другой стороны, практически полное отсутствие лексических и полное отсутствие текстологических особенностей преславской школы, по всей видимости, исключает также и отнесение антиграфа к узкому кругу северо-восточноболгарских преславских текстов, оставляя лишь возможность характеристики его как древнеболгарского текста, написанного не позднее начала XI в. и, скорее всего, в X в. в рамках деятельности неизвестной пока книжной школы. Расхождения нашего текста с характеристиками кириллических текстов позднего старославянского периода, очевидно писанных на рубеже XI и XII веков в восточной Болгарии, вероятно, объясняются неавторитетностью этой неизвестной школы X– начала XI в. для хронологически более поздней древневосточноболгарской книжной традиции.

ИСТОЧНИКИ

- Бычковская псалтырь – Saint Catherine's Monastery. An Early Slavonic Psalter from Rus'. V. One: Photoreproduction / Ed. by M. Altbauer. With the collaboration of H.G. Lunt. Cambridge, Mass., 1978.
- Новгородская псалтырь – А.А. Зализняк, В.Л. Янин. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // ВЯ. 2001. № 5.
- Норовская псалтырь – Е.В. Чешко, И.К. Бунина, А.В. Дыбо, О.А. Князевская, Л.А. Науменко. Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века. Ч. I, II. София, 1989.
- Синайская псалтырь – С. Северьянов. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века / Приготовил к печати С. Северьянов. Graz, 1954 (фототип. с изд. 1922 г.).
- Чудовская псалтырь – В. Погорелов. Чудовская Псалтырь XI века. Отрывок Толкования Федорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910.
- Psalterium Sinaiticum – M. Altbauer ed. Psalterium Sinaiticum. An 11th century manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai. Skopje, 1971.
- Psalterium Sinaiticum p. n. – F.V. Mareš ed. Psalterii Sinaitici pars nova. Wien, 1997.
- Psalterium Vindobonense – J. Hamm (Hrsg.). Psalterium Vindobonense. Der kommentierte glagolitische Psalter der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1967.
- Rahlfs 1931 – A. Rahlfs (Hrsg.). Septuaginta. X. Psalmi cum Odis. Göttingen, 1931.
- Vulgata 1969 – Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem. T. I. Genesis – Psalmi. Stuttgart, 1969.

⁴⁷ Возможно, дальнейшее изучение не только Новгородской псалтыри, но и "скрытых" текстов Новгородского кодекса внесет определенные корректировки в распространенное мнение о том, что русская письменность "появляется при Ярославле, когда начинается переписывание книг и возникает переводная литература <...>, т. е. появляются книги не привезенные, а здесь созданные" [Успенский 1987: 30].

- БЕР – Български етимологичен речник София, 1973–
 Люсен 1995 – *И Люсен* Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий Uppsala, 1995
 СтелСл – Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред Р М Цейтлин Р Вечерки, Э Благовой М, 1994
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд / Под ред О Н Трубачева М, 1974–
 Atzetmüller 1977 – *R Atzetmüller* Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen Wurzburg, 1977
 Bodoh 1970 – *J J Bodoh* An index of Greek verb forms Hildesheim, New York, 1970
 ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského Praha, 1989–
 GEL – A Greek-English lexicon of the Septuagint / Compil by J Lust, E Symkel, K Hauspie Stuttgart P I 1992, P II 1996
 Hatch, Redpath 1897 – *E Hatch, H A Redpath* A Concordance to the Septuagint V I, II Oxford, 1897
 Koch 2000 – *Chr Koch* Wort- und Formenverzeichnis des altkirchenslavischen Codex Assemanianus Freiburg, 2000
 Lampe 1961 – *G W Lampe* A patristic Greek lexicon Oxford, 1961
 LBG – Lexikon zur byzantinischen Grazitat, besonders des 9–12 Jahrhunderts / Erstellt von E Trapp unter Mitarb von W Horandner Fasz 1 1994, Fasz 2, 1996, Fasz 3 1999 Wien
 Liddell, Scott 1996 – A Greek-English lexicon with a revised supplement 1996 / Compil by H G Liddell, R Scott / Rev and augm throughout by H S Jones Oxford, 1996
 Miklosich 1862–1865 – *F Miklosich* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latium Wien, 1862–1865
 Morrish 1976 – A concordance of the Septuagint Grand Rapids (Michigan), 1976
 SPsl – Słownik prasłowiański Wrocław etc, 1974–
 SJS – Slovník jazyka staroslověnského Praha, 1958–1997
 Sophocles 1893 – *E A Sophocles* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B C 146 to A D 1100) New York Leipzig 1893

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1999 – *А А Алексеев* Текстология славянской Библии СПб, 1999
 Белић 2000 – *А Белић* О двојини у словенским језицима // Белић А Изабрана дела Упоредна словенска лингвистика Т 2 Нови Сад, 2000
 Бояджиев 1995 – *А Бояджиев* Житието на св Кондрат – първоначалната история на неговия славянский текст и развитието на старобългарската правописна система с голям ер // Кирилло-Методиевски студии Кн 10 София, 1995
 Верецагин 1978 – *Е М Верецагин* Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики “цепочки” // Советское славяноведение 1978 № 1
 Верецагин 1997 – *Е М Верецагин* История возникновения древнего общеславянского литературного языка Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников М 1997
 Гиндин 1988 – *Л А Гиндин* К переводческой технике кирилло-мефодиевской школы две старославянские кальки в Супрасльской рукописи // Советское славяноведение 1988 №3
 Гошев 1961 – *Ив Гошев* Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX и X век София, 1961
 Граматика 1991 – Граматика на старобългарския език / Гл ред И Дуриданов София, 1991
 Гълъбов 1968 – *И Гълъбов* Ранни школи на стария български книжовен език // Български език 1968 Кн 2–3
 Дмитриев 1992 – *Д Вл Дмитриев* Где искать греческую Vorlage древнеславянских переводов // Palaeobulgaria XVI (1992) 1.
 Добрев 1972 – *И Добрев* Глаголическият текст на Боянския палимпсест Старобългарски паметник от края на XI век София, 1972
 Дограмаджиева 1993 – *Е Дограмаджиева* Ролята на л 165 в състава на Савина книга // Palaeobulgaria XVII (1993) 4

- Дурново 1924 (1925–1926) – *Н Н Дурново* Русские рукописи XI и XII вв., как памятники старославянского языка // *Јужнословенски филолог* Књ IV Београд, 1924, Књ V Београд, 1925–1926
- Дурново 1959 – *Н Н Дурново* Очерк истории русского языка 's-Gravenhage, 1959 (фототип с изд 1924 г.)
- Жолобов 1998 – *О Ф Жолобов* Символика и историческая динамика славянского двойственного числа Frankfurt am Main, 1998
- Жуковская 1976 – *Л П Жуковская* Текстология и язык древнейших славянских памятников М 1976
- Зализняк 1995 – *А А Зализняк* Древненовгородский диалект М, 1995
- Зализняк, Янин 2001 – *А А Зализняк, В Л Янин* Новгородский кодекс первой четверти XI в – древнейшая книга Руси // *ВЯ* 2001 № 5
- Иванова 1933 – *В Иванова* Старобългарски надпис от с Теке Козлуджа // *Известия на Българския археологически институт* Кн 7 София, 1933
- Карачорова 1989 – *И Карачорова* Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // *Кирило-Методиевски студии* Кн 6 София, 1989
- КМЕ – Кирило-Методиевска енциклопедия / Ред П Динеков Т 1 А–З (1985), Т 2 И–О (1995) София
- Костова 1992 – *К Костова* Преславските текстове и проблемите на българската историческа диалектология // *Palaeobulgica*. XVI (1992), 3
- Костова 2000 – *К Костова* Правопис и фонетиката на преславските текстове Велико Търново, София, 2000
- Крысько 1996 – *В Б Крысько* Маргиналии к “Старославянскому словарю” // *ВЯ* 1996 № 5
- Куев 1986 – *К М Куев* Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете София 1986
- Кульбакин 1924 – *Ст Кульбакин* Psalterium Sinaiticum у новом издању // *Јужнословенски филолог* Књ IV Београд, 1924
- Кульбакин 1925–1926 – *Ст Кульбакин* Полугласници у Синајском Псалтиру // *Јужнословенски филолог* Књ V Београд, 1925–1926
- Макеева 1991 – *И И Макеева* Древнерусское глумиться традиция и своеобразие // *Традиция древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян* / Ред В П Вомперский и др. М., 1991
- Мещерский 1988 – *Н А Мещерский* Семантика корнеслова глум- в памятниках древней славяно-русской письменности // *Русская историческая лексикология и лексикография* Вып 4 Л, 1988
- Минчева 1978 – *А Минчева* Старобългарски кирилски откъследи София, 1978
- Мирчев, Кодов 1965 – *К Мирчев, Хр Кодов* Едински апостол Старобългарски паметник от XI век София, 1965
- Недельковић 1967 – *О Недельковић* Полугласови у старословенским споменицима // *Slovo* Вг 17 Zageb, 1967
- Огрен 1991 – *И Огрен* К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов Uppsala, 1991
- Панић 1991 – *М Панић* Прасловенске й-основе у старословенској именичкој дефлексији // *Јужнословенски филолог* Књ XLVII Београд, 1991
- Погорелов 1901 – *В А Погорелов* О редакциях славянского перевода Псалтыри // *В А Погорелов Псалтыри* (Библиотека Московской синодальной типографии Ч I Вып 3) М, 1901
- Попконстантинов 1985 – *К Попконстантинов* Разпространение на старобългарската писменост през IX–XI век (по епиграфски данни) // *Старобългарска литература* Кн 17 София 1985
- Скупский 1977 – *Б И Скупский* К вопросу о греческом оригинале древнейших славянских переводов // *ВЯ* 1977 № 2
- Славова 1989 – *Т Славова* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // *Кирило-Методиевски студии* Кн 6 София, 1989
- Сперанский 1928–1929 – *М Н Сперанский* Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы? // *Slavia* Т 7
- Тодоров 1990 – *А Тодоров* Псалмы новой части Бычковой псалтыри // *Palaeobulgica* XIV (1990) 1
- Тот 1978 – *И Х Тот* К изучению одноеровых памятников XI в // *Studia slavica hungarica* Т 24

- Успенский 1987 – *Б А Успенский История русского литературного языка (XI–XVII вв)* Munchen 1987
- Хамм 1976 – *Й Хамм К истории древнеславянского перевода псалтыри // Культурное наследие Древней Руси Истоки Становление традиции М, 1976*
- Цейтлин 1986 – *Р М Цейтлин Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв София, 1986*
- Цонев 1905 – *Б Цонев Класификация на българските книжовни паметници от найстаро време до края на XVI век // Годишник на Софийския университет за 1904 / 5 год София, 1905 (отд отп)*
- Цонев 1984 – *Б Цонев История на българския език Том първи А Обща част Изд 2-е София, 1984*
- Чигоја 1998 – *Б Чигоја Најстарији српски ћирилски натписи (графија, ортографија и језик) Изд 3-е Београд, 1998*
- Чешко и др 1989 – *Е В Чешко И К Бунина А В Дыбо, О А Князевская Л А Науменко Норовская псалтырь Среднеболгарская рукопись XIV века Ч I, II София, 1989*
- von Arnim 1930 – *von B Arnim Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum Leipzig, 1930*
- Camuglia 1996 – *М Camuglia The Psalter, its tradition and the computer a new method of textual analysis // Palaeobulgarica XX (1996) 1*
- Diels 1932 – *Р Diels Altkirchenslavische Grammatik I Teil Grammatik Heidelberg, 1932*
- Jagic 1913 – *В Jagic Entstehungsgeschichte der kirchenslawischen Sprache Berlin, 1913*
- Laurenčik 1948 – *Ј Laurenčik Nelukianovská čtem v Sinajském žaltáru // Slovanske studie Praha, 1948*
- Lepissier 1964 – *Ј Lepissier La traduction vieux-slave du Psautier // RESI T XLIII Fasc 1–4 Paris, 1964*
- Leskien 1962 – *А Leskien Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache 8 Aufl Heidelberg, 1962*
- Lunt 1976 – *Н Lunt The Vyčkov Psalter // Slovo Br 25–26 Zageb, 1976*
- MacRobert 1990 – *М MacRobert The Greek textological basis of the early redactions of the Church Slavonic Psalter // Palaeobulgarica XIV (1990) 2*
- MacRobert 1993a – *М MacRobert Translation is interpretation lexical variation in the translation of the Psalter from Greek into Church Slavonic up to the 15th century // ZSLPL Bd LIII Heidelberg, 1993*
- MacRobert 1993b – *М MacRobert A missing link in the early tradition of the Church Slavonic Psalter (the Tolstoy, Sluck, Eugenius and Vienna Psalters and MS 34 of the Moscow Synodal Typography) // Wiener Slavistisches Jahrbuch Wien, 1993*
- Koch 1990 – *Chr Koch Das morphologische System des altkirchenslawischen Verbums I Text, II Anmerkungen Munchen, 1990*
- Popkonstantinov 1988 – *К Popkonstantinov Traditionen von Kyrill und Methodius im altbulgarischen Literatur- und Ausbildungszentrum des 9 und 10 Jahrhunderts beim Dorf Ravna, Bezirk Varna // Symposium Methodianum Beitrage der Internationalen tagung in Regensburg (17 bis 24 April 1985) / KI Trost u a (hrsg) Neuried, 1988*
- Popkonstantinov, Kronsteiner 1994 – *К Popkonstantinov О Kronsteiner Altbulgarische Inschriften // Die slawischen Sprachen Bd 36 Salzburg, 1994*
- Rothe 2000 – *Н Rothe Was ist “altrussische Literatur”? Wiesbaden, 2000*
- Schaeken, Birnbaum 1999 – *Ј Schaeken, Н Birnbaum Die altkirchenslawische Schriftkultur Altkirchenslawischen Studien II Munchen, 1999*
- Szulc 1999 – *А Szulc On some lexical innovations in Russian Church Slavonic Psalters // Slovo Br 47–49 Zageb, 1999*
- Vajs 1939–1946 – *Ј Vajs Které recense byla řecká předloha staroslověnského překladu žaltáře // Byzantinoslavica Roč VIII Praha, 1939–1946*
- Večerka 1989–1996 – *Р Večerka Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax Bd I, 1989, Bd II, 1993, Bd III, 1996 Freiburg im Breisgau*
- Velčeva 1988 – *В Velčeva Glagolica, Kyrillica, Orthographie und Sprache // Symposium Methodianum Beitrage der Internationalen Tagung in Regensburg (17 bis 24 April 1985) / KI Trost u a hrsg Neuried, 1988*
- Vlašek 1969 – *Ј Vlašek O vztahu překladove techniky a poetiky staroslověnského žaltáře // Slavia Roč XXXVIII Praha, 1969*